

На чаше весов

Автор:

Наталья Кочетова

На чаше весов

Наталья Кочетова

Я думала, что смогла сбежать от него, скрыться, начать новую жизнь. И он позволил мне обманываться в этом восемь долгих лет. Но теперь с иллюзиями покончено. Я снова в его власти, в его жестоких руках. Пешка в его большой игре. Средство достижения цели. Инструмент. Он будет пользоваться мной пока не сломает... если до этого момента не сломается сам.

Содержит нецензурную брань.

Наталья Кочетова

На чаше весов

Глава 1.

...- Главное, что мы должны сейчас сделать – это объединиться. Нужно научиться таким навыкам и качествам... чтобы переживаемая нами эпидемия не разрушила нас. Мы должны заботиться друг о друге, и тогда ситуаций, подобной вчерашней, – этой страшной аварии, унесшей жизни четырнадцати человек, – не будет. Следите не только за своим здоровьем, но и за здоровьем и поведением своих близких, не позволяйте им...

Шарю рукой по постели, и наощупь нахожу пульт, выключаю телевизор и лицо круглолицего политика, проникновенно вещающего с экрана, исчезает.

Так себе начало утра. Пора купить будильник, и отключить таймер на телевизоре. Все равно веселую передачу, будившую меня по утрам, больше не транслируют. Ее место заняли новости. А в настоящее время они в большинстве своем безрадостные и тревожащие, начинать с подобного утро – испортить себе весь день.

Часы на стене показывают шесть утра. Со вздохом встаю с тёплой постели, разминаю затекшую от неправильного положения во сне шею. Сегодня четверг, а значит, так же, как и завтра, я работаю в офисе. В остальное время – дистанционно, на дому. Мне нравится моя работа и возможность зарабатывать, не выходя из дома. С издержками вроде офисной работы дважды в неделю, приходится мириться.

Быстро умываюсь, чищу зубы. Съедаю свой здоровый завтрак и запиваю ровно тремя глотками воды. У меня все рассчитано, каждая капля на счету. Сначала я отмеряла каждое утро по сто грамм в мерном стакане, но после приспособились мерить глотками. С ностальгией вспоминаю, как ещё месяц назад каждое утро выпивала целую чашку кофе. Пусть и без кофеина, но все же... Теперь мне, как и большинству других людей, даже это недоступно.

Сейчас я пью кофе только по пятницам. Пятьдесят грамм отменного бразильского кофе на чистейшей родниковой воде из Германии, в честь окончания рабочей недели – просто волшебной щедрости бонус от руководства всем сотрудникам компании.

У меня прекрасная работа.

Бережно наливаю в двухсотграммовую бутылку воды и кладу её в спортивную сумку, где уже приготовлены со вчерашнего вечера спортивный костюм и кроссовки. Сегодня я выхожу из дома пораньше, чтобы позаниматься с часок в спортзале, расположенном в подвальном помещении нашего бизнес центра, перед началом рабочего дня. Моей силы воли только на это и хватает. Один раз в неделю, один час. Мой кардиолог был бы не доволен, если бы узнал, как злостно я нарушаю его рекомендации об обязательных кардионагрузках.

Перед тем, как открыть дверь и выйти из квартиры, делаю почти ритуальный обряд: три глубоких вдоха, медленных выдоха, и абсолютная концентрация на своих внутренних ощущениях. И только в этом полумедитативном состоянии я наконец выхожу на улицу. Солнце только встает, ещё очень рано и по пути я не встречаю случайных прохожих, во дворе вижу лишь дворника, подметающего осеннюю листву, да пару облезлых собак, прелаивающихся между собой.

Офис, где я работаю, находится в двадцати минутах ходьбы. Иногда я разрешаю себе подольше поспать, и подъезжаю на автобусе, но стараюсь этим не злоупотреблять: слишком много людей ездит в общественном транспорте в час пик. Слишком много людей – ад для меня.

Ещё только сентябрь, но на улице холодно. Пронизывающий ветер так и норовит забраться за пазуху, поэтому я поднимаю воротник тонкой кожаной куртки и прибавляю шаг. Выхожу со дворов на проспект. Здесь уже более оживленно. Куда-то спешат редкие прохожие, снуют по дороге автомобили. Я подхожу к пешеходному переходу почти одновременно с тем, как загорается зелёный сигнал светофора. Я почти делаю шаг на дорогу, но вдруг останавливаюсь.

Не сразу понимаю, что происходит. Сначала я чувствую панику. Нет, не панику, а... ПАНИКУ. Кричащую, парализующую. Я останавливаюсь как вкопанная у края тротуара. Умом понимаю, что это не мой страх – ничего не могло бы вдруг так сильно меня напугать – но тело ведет себя так, будто я в опасности, будто это мои собственные чувства. Я замираю, не в силах пошевелиться, скованная тисками животного ужаса. Только потом, через несколько секунд, я слышу визг шин, а еще через секунду боковым зрением – движение. По дороге прямо на красный сигнал светофора несется чёрный седан. Виляет, дергается, но продолжает ехать. Он проносится прямо передо мной, и мое сердце едва не вылетает из груди. Автомобиль пролетает ещё несколько метров, и, не в состоянии войти в поворот, врезается в опору рекламного баннера. Через несколько секунд из машины выбирается водитель, хватается за голову, ругается матом. Вместе с ним я чувствую, как страх потихоньку отступает, тело ненадолго расслабляется, испытывая облегчение от того, что все закончилось, но уже через несколько секунд место страха занимает злость. Снова не моя.

Не знаю, что случилось с этим мужчиной. То ли его автомобиль неисправен, то ли у водителя проблемы со зрением. Ничему уже не удивляюсь в нынешней ситуации.

Последний месяц ДТП участились, умножились в несколько раз. Число инфицированных растет, а вместе с ним и число происшествий на почве полной или частичной потери зрения. В новостях говорят о том, что количество аварий в сутки исчисляется теперь уже в тысячах. Власти призывают быть бдительными и при малейших признаках инфицирования, будь то потеря зрения или просто сложности с ориентацией в пространстве, оставаться дома. Вызывать врача и ни при каких обстоятельствах не выходить на улицу. Но люди не внемлют призывам. Им нужно на что-то жить, нужно работать. Сейчас, чтобы купить минимальный набор продуктов на неделю, требуется месячная зарплата. И это я не говорю о воде. Если вам повезет вы получите свою норму утром в воскресенье, если нет – не останется ничего другого, как влезать в кредит.

Я перевожу дыхание, стараясь отстраниться, снова максимально погрузиться в себя, но меня продолжает потряхивать из-за произошедшего.

Если бы я не почувствовала неладное, не запнулась на тротуаре, этот автомобиль размазал бы меня по асфальту. Это первый и единственный раз, когда мое проклятие сослужило мне хорошую службу. Буквально спасло мне жизнь. Всего лишь какой-то шаг на пешеходный переход, и я была бы мертва. Это был бы мой последний шаг. Роковой шаг.

Я делаю глубокий вдох и спешу убраться подальше от исходящего злостью мужчины и пешеходного перехода, едва не отобравшего мою жизнь. Тогда я еще не знаю, что через несколько часов пожалею о том, что не сделала тот роковой шаг.

Глава 2.

Вхожу в спортзал, но понимаю, что не смогу заниматься – чувствую тошноту и головокружение – обычная постреакция на чью-то сильную эмоцию. Делаю крошечный глоток воды и заставляю себя влезть на беговую дорожку. Пробегаю всего лишь три километра, и останавливаюсь. Пот льет с меня ручьем, пить хочется невыносимо и я осушаю почти всю бутылку разом. Зажимаю рот рукой, давя в себе рвотный позыв. Черт. Давно со мной такого не было.

Я постаралась устроить свою жизнь так, чтобы сталкиваться с как можно меньшим количеством людей: я не завожу отношений, у меня нет друзей или приятелей, я не общаюсь с соседями, коллегами, и не хожу на тим-билдинг-тусовки. Я сознательно отказалась от общения, чтобы оставаться в себе, и чувствовать только то, что моё. Но совсем избежать ситуаций, подобной сегодняшней, не удастся. В автобусе, в магазине, на улице, на работе рано или поздно случаются разные происшествия, вызывающие у людей яркие эмоции. И будь то страх, горе, радость или восторг, неважно, как бы не ощущалась эта эмоция во время ее проживания, после – я чувствую себя просто отвратительно. Вот, как сейчас.

Жалею, что вообще спустилась в зал, лучше бы прогулялась на свежем воздухе, знала же, что буду не в состоянии, так теперь еще и до вечера у меня совсем не осталось питьевой воды.

Ругаю себя и с тяжелым вздохом иду в раздевалку. Принимаю контрастный душ, чтобы хоть немного привести себя в норму. Одеваюсь и отправляюсь на шестой этаж, где расположена фирма, на которой я работаю. Перед тем как открыть дверь, снова закрываю глаза и концентрируюсь на внутренних ощущениях. Мысленно проговариваю, что это сознание только мое, я не пущу в него чужие чувства. Делаю глубокий вдох и вхожу в офис. Здравуюсь с коллегами и быстро шагаю к своему кабинету.

Нет, на самом деле, кабинет не мой, конечно. Он закреплен за Борей. Боря – фактически мой начальник. Он создатель и главный разработчик программы, над которой мы с ним, и еще пара сотрудников на дистанционке, трудимся.

Боря – мозг. Я – скорее руки.

Он скидывает мне те участки кодов, над которыми ему работать не хочется, скучно, мучительно и слишком просто. Я же – разработчик-юниор без особого опыта работы, справляюсь с поставленными задачами не без труда и, порой, не без его помощи.

– Привет, Борь. – Бросаю согнувшегося у монитора парню. До начала рабочего дня еще пол часа, а он уже трудится. Ночевал что ли здесь?..

– Доброе утро, Мария. – Через время отзывается Боря, даже не поднимая на меня глаз.

– Ты домой-то вообще ходишь? – Спрашиваю, усаживаясь за свой стол и подперев рукой подбородок, смотрю на парня. Тот снова не сразу реагирует, слишком поглощен процессом. Но я уже привыкла, просто сижу и смотрю на него. На лице щетина, волосы как обычно в творческом беспорядке. Вообще-то он очень даже симпатичный молодой человек, но на уход за собой, судя по всему, тратить время не любит.

– Конечно, Маш, хожу. Просто этой ночью не успел. – Наконец отзывается Борис и тянется за чашкой с кофе.

Хмыкаю и закатываю глаза. Тяну носом волшебный аромат его напитка. Молча завидую. Не знаю, есть ли у него семья, скорее всего, нет. Он практически живет на работе, и пьет так много кофе, что на это, наверное, уходит вся его зарплата. Не то, чтобы я любила считать чужие деньги, но простой подсчет выпитых им чашек кофе в день, привел меня к выводу, что его доходы в несколько раз превосходят мои. Но какими бы не были его доходы, будь у него жена или хотя бы девушка, не уверена, что она простила бы ему такую кофейную дыру в бюджете.

Глотаю слюну, наполнившую рот, напоминая себе, что завтра пятница и волшебный напиток снизойдет и до меня – простой смертной.

Включаю свой компьютер и пока тот загружается, распускаю волосы, расчесываюсь и мажу губы бальзамом. Вот и вся моя подготовка к рабочему дню. Ни макияжа, ни прически. Не люблю привлекать к себе лишнего внимания, и поэтому, давно не трачу время на всю эту ерунду. Наверное, мы с Борей чем-то похожи. Не зря так легко сработались.

Помню, как однажды на планерке, наш босс – проджект-менеджер, объявил о новом заказе, и Борька первый за него ухватился, по комнате прошла волна вздохов. Почему-то Бориса здесь не очень любили. Необщительный, угрюмый, слишком заикленный на своей работе. С таким ни посплетничать, ни в бар сходить. И пока все отмалчивались, прикидывая перспективы работы с Борисом, босс назначил ему в помощники меня.

И вот, мы работаем уже больше месяца, и, как бы к нему не относились мои коллеги, лично я его обожаю. С ним я легко могу отпустить контроль и расслабиться, не переживая о том, что на меня вдруг обрушится какая-то слишком болезненная эмоция. Боря – настоящий подарок, отрешенный, безэмоциональный, восхитительно флегматичный. Практически робот. Единственное, что от него может исходить – это краткие вспышки радости от вдруг постигшего инсайта, или легкое, почти невесомое удовлетворение от проделанной работы.

Я рада с ним работать. Он позволяет мне работать так, как мне удобно, считается с моими заскоками и не требует от меня больше, чем я могу. Разработчик из меня так себе, но, если бы было можно, подписала бы с Борисом пожизненный контракт.

Когда я только устроилась на эту работу, мне приходилось каждый день находиться в большом коллективе. Это тяжело. Чем больше людей, тем мне тяжелее держать свои блоки. То и дело проскакивают чьи-то чувства: у кого-то неразделённая любовь, у кого-то беспокойство о больном ребенке, у кого-то зависть, у кого-то раздражение. И так бесконечно, винегрет из разных чувств к концу дня истощал меня и порой доводил до мигрени.

Нет, вообще-то сильные эмоции, такие которые ударной волной могут задеть и меня, люди испытывают нечасто. Но с обнаружением новой инфекции с дурацким названием Калидус, переживания людей возросли в несколько раз, так что мне находиться среди людей стало в разы тяжелее. Страх, непонимание, злость, беспокойство, неверие, уныние. С каждым днем градус этих чувств нарастает все сильнее. Но на вершине конечно же страх. Страх неизвестности, неопределенности. Страх потери здоровья и жизни. С каждым днем паника все сильнее затмевает разумы людей.

Все началось месяц назад, когда в больницы один за другим стали поступать пациенты с жалобами на зрительные галлюцинации, искажения, пробелы, пятна и даже полную потерю зрения. Люди продолжали поступать с каждым днем все больше, и пока ученые вирусологи и микробиологи из кожи вон лезли, чтобы найти возможную причину, люди продолжали жить обычной жизнью. Они продолжали пить воду, которая, как выяснилось только через две недели, была заражена новой, неисследованной, но такой опасной бактерией. В стране была объявлена эпидемия и наложен абсолютный запрет на употребление воды из любых природных источников страны. Но сколько людей за время поисков было

заражено, до сих пор никто не может подсчитать. Симптомы продолжают появляться, зараженных все больше, не смотря на меры, предпринятые властями.

Ученые выяснили, что бактерия, попадая в организм поражает затылочную долю мозга, но до сих пор не могут выяснить как быстро эта бактерия начинает свое губительное воздействие с момента попадания в организм человека. Возможно, она бездействует месяцами, но ученые настаивают на том, что поражение мозга начинается в течении двух-трех дней. Однако если это так, почему регулярно появляются все новые и новые заражённые? До сих пор, спустя месяц. Есть подозрение, что люди, неспособные оплатить безумно дорогую по нынешним временам воду, продолжают брать ее из водопровода.

И это совсем не кажется мне удивительным. У людей с низкими доходами, выбор невелик: выстоять километровую очередь в воскресенье, и получить воду от заботливого правительства, из расчета три литра на человека на неделю, или продолжать пить воду из крана. У них нет выхода. Они пытаются выжить.

Да и что такое – три литра на неделю? Это четыреста миллилитров воды в день. И куда же подевались пресловутые нормы в два литра? Канули в лета. Как только с водой начались проблемы, и ученые и врачи быстренько все переосмыслили и пришли к единому мнению, что четырехсот грамм воды в день для выживания и полноценной работы организма вполне достаточно.

И да, кстати говоря, даже если вы выстоите двух-трехчасовую очередь за бесплатной импортной водой, никто не гарантирует вам, что вы ее получите. Вода в цистерне бывает заканчивается еще до того, как половина стоящих в очереди людей наполнит свои бутылки. Хотя, знаете, даже получив свою порцию, никто не гарантирует вам и того, что вы спокойно и безопасно дойдете с ней домой. У вас легко ее могут отобрать те, кому не досталось в прошлый раз. Справедливость уже не та.

– Поменяй вот этот участок. – Выдергивает меня из моих мыслей Борис, тыкая пальцем на участок кода на своем компьютере. Объясняет суть задачи и, дождавшись пока я наконец вразумлю, что от меня требуется, снова углубляется в свой процесс.

Сажусь прямо, запускаю нужную программу и принимаюсь за работу.

Стараюсь как могу, но мне никак не удается сосредоточиться. Сглатываю слюну, чтобы хоть как-то смочить пересохшее горло. Ужасно хочется пить. Чувствую, что снова начинает подташнивать, а в висках дико пульсирует. Заставляю себя вникнуть в код, отвлечь себя работой, но это не помогает. Жажда так навязчива, что я не могу от нее отделаться. До обеда, я точно не выдержу. То и дело кохусь в сторону Бороного стола, где стоит уже остывший кофе и пол-литровая бутылка воды. Почти полная. Смотрю на нее, и жажда усиливается. Мне кажется, что у меня пересыхает не только горло, а и желудок.

Когда Борис отходит в туалет, я снова с вожделением смотрю на бутылку воды, стоящую у него на столе. Смотрю и презираю себя за то, что собираюсь сделать. От стыда хочется со всей силы стукнуться головой о стол, но колеблюсь я недолго – едва за Борей закрывается дверь, хватаю бутылку и делаю пару жадных глотков. Ставлю обратно и сажусь на свое место. Тру лицо руками. Боже, до чего я дошла? Я ворую воду. Просто блеск.

Мне очень-очень стыдно, правда. Я буду гореть в аду. Но что поделать, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Буквально пару недель назад, сосед, с которым я всегда вежливо здоровалась при встрече, отобрал у меня бутылку воды, потому что ему, видите ли, нечем кормить детей. Ладно, это была одна литровая бутылка из трех, но он ее отобрал, а ведь это была моя вода. Моя!

Он украл воду у меня, теперь я ворую у Бориса. Круговорот воды в природе теперь тоже понимают иначе.

До обеда работаю, не поднимая головы, и едва часы показывают 13:00, стыдливо смотрю на Бориса и, как всегда, спрашиваю, что ему купить. Бургер и кофе – как всегда отвечает Боря, и я отправляюсь в столовую.

По пути меня догоняет наш тестировщик Дима:

– Мань, привет. Слышала, три четвертых страны уже в зоне поражения? Сегодня в новостях говорили. – Возбужденно тараторит Дима и прикасается к моему плечу. Одергиваю руку и отрицательно качаю головой. Плохие новости. Калидус распространяется. Я расстроено морщусь и тяжело вздыхаю.

– Конец близок, Манька, скоро весь мир будет заражен. Чистой воды не останется, и мы все умрем. Мы умрем, так и не сходяв на свидание. –

Протягивает Дима, заставляя меня усмехнуться. Хороший парень. Забавный. Ничто не повергает его в уныние. И его симпатия ощущается приятно. Она легкая и чистая, незамысловатая. Жаль, что я не завожу отношений.

– Не волнуйся, Дим. До того, как весь мир будет заражен, ученые найдут способ фильтрации и разработают лекарство от инфекции. Мы не умрем еще очень долго. – Отвечаю парню, подходя к столовой и толкаю дверь.

– А если нет, Маш? Что, если нет? – Продолжает тараторить Дима, волочась следом за мной к раздаточному прилавку. – Ты умрешь так и не узнав, что такое любовь. – Высокопарно произносит Дима, и я скептически хмыкаю.

Смотрю на меню и вздыхаю. Выбор как всегда невелик. Раньше здесь был большой ассортимент – и первое и второе, и третье, сейчас же – лишь те блюда, на которые требуется минимум затрат. Заказываю тушеные овощи и березовый сок. Терпеть его не могу, но это единственная недорогая альтернатива воде.

– Пойдем сегодня в ресторан? Я куплю тебе суп. – Произносит Дима где-то возле моего уха и прикасается ладонью к моей пояснице. Дергаю плечом, отталкивая его руку и выразительно смотрю ему в глаза. Не переносу неожиданные прикосновения и Диме это известно.

– Суп – это прекрасно, но я откажусь. – Говорю категорично, но перед глазами так и стоит тарелка с ароматным бульоном. Сглатываю, беру поднос и сажусь за свободный столик. Дима конечно же садится рядом. – Пригласи Лену, она хочет с тобой пойти.

– Лену? – Выпучивает глаза Дима. – Лена не достойна есть со мной суп, она маргин от паддинга не способна отличить.

Улыбаюсь. Все айтишники странные.

– Она и не должна. Она ведь секретарь. – Подняв бровь, парирую я.

– Вот именно. – Фыркает Дима, будто бы это все объясняет, и набрасывается на свой ход-дог.

Я ковыряю вилкой безвкусные овощи, и раздумываю над предложением Димы. Сто лет не была в ресторане. На свидании – и того больше. Мне не помешало бы развеяться. Но мне не хочется дарить парню напрасные надежды. Ведь я не позволю ему себя даже поцеловать. Позволить ему влюбиться в меня, а потом испытывать его страдания от безответной любви, каждый раз пересекаясь с ним на работе, – последнее что мне нужно.

– На суп ты не соблазнилась. Даже не знаю, что еще я могу предложить... – Дожевав, со вздохом произносит Дима. – Кино? Театр? Музей? Зоопарк?..

– Завязывай, Дим. – Прерываю его с усмешкой. – Ничего не выйдет.

Быстро доедаю и выпиваю сок. Молча встаю из-за стола и иду снова к прилавку, чтобы купить обед Борису.

– Когда-нибудь ты согласишься. – Громко бросает мне в спину Дима.

Грустно улыбаюсь, качаю головой и, расплатившись за бургер с кофе, возвращаюсь в офис.

Глава 3.

Едва открываю дверь в кабинет, понимаю, что что-то не так. Борис, подняв на меня взгляд тут же вскакивает со стула и в два счета оказывается рядом.

– Маша, во что ты вляпалась? – Говорит нервно громким шепотом, нависая надо мной.

– Ты о чем? – Спрашиваю дрогнувшим голосом и непонимающе уставившись на Боря. Сую ему в руки его обед, но тот, даже не глядя, бросает его на стол. Его нервозность и волнение передается мне, я сглатываю и чувствую, как начинают дрожать руки.

– Почему тебя ищут власти? – Еще сильнее понизив голос, почти шипит Боря, хватая меня за плечи.

– Что? – Прыскаю я, и нервно улыбаюсь. Никогда его таким не видела и даже не подозревала, что он может быть так импульсивен. Разбаловал он меня своим вечным спокойствием, так что я оказалась очень неготова к подобным проявлениям эмоций. Но о чем он говорит? Какие к черту власти?

– В кабинете у Эдика тебя ожидает какой-то мужик из службы безопасности. Капитан ГСУ, Маш. – Глаза Бори смотрят на меня, через стекла очков в тонкой оправе, со смесью беспокойства и волнения.

Я высвобождаюсь из его рук и нервно дергаю плечом, иду к своему столу.

– Это какое-то недоразумение. – Бормочу себе под нос, пытаюсь заслониться от Бориной тревоги. Отворачиваюсь, чтобы он не видел моего лица, закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Не помогает. Его волнение уже пустило в меня свои щупальца. Черт, плохо. Я уже не понимаю нервничает он или я, где его чувства, а где мои. Ненавижу это. – Пойду... выясню. Наверняка, это какая-то ошибка.

– Ага. – Отзывается Борис и внимательно смотрит на меня. – Пойди.

Я поджимаю губы, сглатываю и выхожу из кабинета. Закрываю дверь и чувствую, что становится немного легче. Ну и дела. С чего бы Борису так переживать за меня? Чем же мог его так напугать этот неизвестный капитан?..

Мотаю головой, пытаюсь стряхнуть налипшие чужие эмоции, расправляю плечи и шагаю к кабинету босса. Чувствую легкое головокружение. Чертов Борис со своим чертовым волнением.

Останавливаюсь у двери и тру виски. Позволяю себе немного перевести дух и наконец вхожу.

Переступаю порог, закрывая за собой дверь, вижу босса и перевожу взгляд на мужчину, стоящего лицом к нему, ко мне – боком. Лишь мельком вижу его профиль и вдруг цепенею.

Мне кажется, что мое сердце останавливается и больше никогда не застучит снова. Голова начинает кружиться сильнее. Я настолько не хочу верить в то, что вижу, что мой мозг, защищаясь, тут же выдает наилучшее объяснение: у меня

Калидус и это просто зрительная галлюцинация. Да, точно.

Галлюцинация поворачивается ко мне корпусом и низким голосом произносит:

– Здравствуй, Агата.

Что-то внутри меня сжимается. Где-то глубоко, в области солнечного сплетения. Сжимается и тут же летит вниз.

Рвано вдыхаю воздух. Чувствую, как холодеют ноги. Галлюцинация не может знать мое настоящее имя.

Он реален. Он здесь, стоит в двух метрах и смотрит на меня.

Такой же.

Другой.

Знакомый незнакомец.

Я знаю эти черты лица: высокий лоб; квадратный подбородок, покрытый теперь уже не щетиной, как раньше, а ухоженной короткой бородой; прямой нос; серые, будто затянутые льдом глаза. Но весь мужчина целиком как будто мне незнаком. Широкие плечи упакованы в белоснежную рубашку под классическим черный костюмом, он твердо стоит на ногах, сложив руки на груди и смотрит на меня прямым взглядом.

О, нет, этого мужчину я не знаю. Он кажется настолько... монументальным, что эта комната, похоже, слишком мала, чтобы вместить все его величие. От него буквально веет уверенностью и каким-то необъяснимым могуществом, которое можно почувствовать лишь интуитивно. С виду он обычный человек, но что-то в его осанке, взгляде, позе выдает имеющуюся в его руках власть.

Бросаю взгляд на своего босса, тот смотрит на гостя широко открытыми глазами, наверняка чувствуя страх и чуть ли не раболепие. Я бы смогла прочесть его эмоции, если бы мои собственные не забивали все эфиры.

– Здравствуй... Вадим. – Отзываюсь внезапно осипшим голосом и сглатываю. Смотрю на него, не моргая, отказываясь верить в происходящее. Не могу понять, что творится внутри меня, не могу разложить на составляющие и дать название всем своим чувствам. Во мне словно разорвалась огромная мина и все разворотила в щепки.

Вадим бросает косой взгляд на Эдика и тот тут же вскакивает.

– Я вас оставляю. – Говорит босс и ретируется, а Вадим опирается задом о его стол, скрещивая ноги.

– Ты изменилась. – Протягивает Вадим и окидывает меня взглядом почти без интереса.

– Ты тоже. – Отзываюсь я, с трудом отлепив язык от нёба. Стараюсь выглядеть невозмутимо, но сомневаюсь, что у меня получается – внутри меня полный раздрай. – Главное следственное управление? Ого. – Делаю вид, будто впечатлена, но на самом деле нет. Мне не сложно поверить, что из младшего лейтенанта из захолустного городишки он за восемь лет смог дослужиться до таких высот. Когда ему что-то нужно, он умеет идти по головам.

Вадим не отвечает. Рассматривает мое лицо. Скользит взглядом, наверное, отмечая произошедшие со мной возрастные изменения.

– Как ты меня нашел? – Спрашиваю, прочистив горло.

– Я тебя никогда не терял, Агата. – Тут же отвечает Вадим и ухмыляется. – А ты разве пряталась?

Открываю рот и тут же захлопываю его.

Черт бы его побрал, да. Я пряталась. И это прекрасно ему известно. Я сменила имя, фамилию, уехала на другой край страны и даже маме не сообщила куда именно. Первые два года звонила ей исключительно с таксофонов и ни разу, ни разу за восемь лет не приезжала в родной город, чтобы ее навестить. Да, я скрывалась, черт возьми. Скрывалась, наивно полагая, что он меня ищет. А он, выходит не искал. На тот момент, когда я решилась уехать, я уже была ему не

нужна. Ведь если он так легко нашел меня сейчас, так же легко мог бы найти и раньше. Выходит, все зря.

– Нет. – Тихо отвечаю я, и опускаю глаза. Не хочу смотреть на его ухмыляющуюся физиономию. Но и выглядеть нашкодившим ребенком, которого журит всезнающий родитель, мне тоже не хочется. Поэтому я набираю в грудь побольше воздуха и задрав кверху нос спрашиваю. – Итак... Что тебе нужно?

Знаю, его приход не предвещает для меня ничего хорошего. Предчувствие скорой беды сжимает тисками грудь. Но я хочу знать наверняка, поэтому я просто стою, вопросительно смотрю на лицо напротив и жду ответа, который почти наверняка сломает меня.

Вадим не торопится отвечать, тянет время, будто хочет меня помучить. С минуту изучает мое лицо, затем отталкивается от стола и подходит ближе. Склоняется надо мной с высоты своего почти двухметрового роста и ровным голосом произносит:

– Мне нужна твоя помощь, Агата.

Мне кажется, что он всаживает пулю куда-то в район моего сердца.

Мне нужна твоя помощь, Агата.

Мне нужна твоя помощь, Агата.

Мои глаза расширяются. Чувствую, как сдавливает горло, огромный тошнотворный комок перекрывает мне кислород. Я не верю, что он это говорит.

Это удар ниже пояса.

Взорвавшаяся петарда в моей голове.

Пуля в моем сердце.

Он не может снова это делать. Сукин сын. Он не имеет права просить у меня помощи. Он не имеет права называть это так.

– Помощь?.. – Выплываю я, чуть не задохнувшись. Не могу скрыть боли на своем лице, сцепляю зубы, чувствую, как раздуваются ноздри и дрожит подбородок. Я не заплачу. Я не заплачу. – Опять??? – Не могу контролировать дрожь в голосе. Судорожно вдыхаю воздух, чувствуя, как подгибаются колени. Смотрю в серые холодные глаза, не выдающие ни единой мысли в его голове, и тщетно пытаюсь взять себя в руки.

– Нет. – Отвечает Вадим, сжимая челюсть. Усмешка пропадает с его лица, теперь он выглядит серьезно. – Я хочу предложить тебе... работу.

Из моего рта вырывается истерический смешок.

– Работу??? Ты? Мне? – Повышаю голос, почти кричу. Я уже понимаю, что это конец. Я уже понимаю, что ничего не смогу сделать, ничего не смогу предпринять, но все еще надеюсь, что смогу поторговаться. – Ты предлагаешь... Предложение предполагает выбор. У меня есть выбор, Вадим? – С ненавистью выплевываю ему в лицо, подавшись вперед. – Я могу сказать «нет»?

Вадим не шевелится, смотрит на меня сверху вниз, и в его глазах нет ни снисхождения, ни жалости. Лёд. Холод. Мутное бесчувственное стекло. Пустое и хладнокровное.

– Нет. – Отвечает через несколько секунд. Твердо. Безапелляционно. Ставя точку.

– Конечно, нет. – Повторяю за ним, но уже тише. Обреченно опускаю плечи, отшатываюсь. Чувствую спазм в горле и жжение в носу. Я не заплачу. Не заплачу.

Мне больно. Мне очень больно. Но мне, как будто, этого недостаточно. И я решаю узнать, что он приготовил для меня на тот случай, если я буду упираться. Я хочу знать, чем он будет мне угрожать. Хочу знать, стал ли он еще большим чудовищем за эти восемь лет. Я хочу, чтобы он окончательно упал в моих глазах. Я хочу его ненавидеть. Еще сильнее. Всегда.

– А если я все-таки откажусь?

– Агата. – С предупреждением произносит Вадим. В его голосе появляются стальные нотки, но я вместо того, чтобы испугаться, поднимаю выше голову и смотрю прямо в его глаза. – Не заставляй меня браться за кнут. – Добавляет Вадим, и я не могу удержать рвущийся из груди горький смех.

Кнут и пряник. Пряник – это работа, которую он хочет мне дать. Наверняка работа хорошая, высокооплачиваемая. Жаль, что обязанности на этой работе слишком быстро меня убьют.

– У тебя будет все. Вода, еда, жилье, деньги. Все что тебе будет нужно. – Подтверждает мои догадки Вадим.

– И все же, я хочу знать. – Стою на своем, сжав зубы так, что челюсть начинает болеть. – Что ты сделаешь, если я откажусь? – Добавляю, четко разделяя слова.

Вадим недовольно вздыхает и отводит взгляд. Отворачивается и шагает по комнате. Его молчание длится, кажется, бесконечно, но я жду. Жду терпеливо. Жду, будто приговор.

– Ты убийца, Агата. – Наконец произносит Вадим тихо, но отчетливо, глядя куда-то в сторону.

Еще одна пуля. Прямо в сердце.

Почему я до сих пор жива? Почему я все еще чувствую боль?

Холодею от ужаса. Липкий страх ползет по спине, забирается мне в голову и вызывает шум в ушах. Меня бросает то в жар, то в холод. Сердце едва ли не выпрыгивает из груди. Смотрю на него во все глаза. «Ты не убийца, Агата, ты ни в чем не виновата» – Звучит в голове его голос. Этот голос моложе на восемь лет, но это ЕГО голос. Это ЕГО слова.

Я не понимаю. Я не верю. Я молю Господа, чтобы две секунды назад эти слова мне это просто послышались, но Вадим повторяет:

– Ты – убийца на свободе.

– Ты... – Из горла вырывается жалкий хрип. – Ты не можешь... Прошло восемь лет. Ты... – Запинаюсь, чувствую себя будто в мясорубке. Трясу головой и лихорадочно бегаю глазами по его лицу. – Ты закрыл дело восемь лет назад.

– Ничто не мешает мне снова его открыть. – С высокомерием произносит Вадим, испепеляя меня взглядом. – Это убийство... Всегда могут появиться новые улики, новые свидетели. – Многозначительно добавляет и отводит взгляд. Разглядывает свои руки, с таким видом, будто говорит о чем-то обыденном, будничном, неважном.

– Ясно. – С трудом произношу на выдохе. Больше не могу стоять прямо. Ноги меня не держат. Я пчусь назад и упираюсь спиной в стену. Жалко хватаю ртом воздух. Не могу поверить, что все это происходит со мной.

Почему я?

Почему снова?

Почему?

Опускаю голову, чтобы Вадим не увидел подступающих к моим глазам слез, но он даже не смотрит в мою сторону.

– У тебя есть два часа, чтобы собраться. Жду тебя внизу. – Сухо бросает Вадим, и пройдя мимо меня, выходит из кабинета.

Сползаю по стене и вижу, как на мои руки каплют соленые капли.

Все рушится. Мой мир рушится в одночасье. Мой мир, скрупулёзно и заботливо выстраиваемый в течении долгих восьми лет, уничтожается желанием одного единственного человека. Человека, в руках которого есть власть надо мной.

Глава 4.

Восемь лет назад.

Желтый лист, подхваченный порывом ветра, влетает в незастекленное окно и приземляется прямо на мое бедро. Беру его за тонкий стебелек и задумчиво кручу, зажав между двумя пальцами. Осень вступает в свои права и очень скоро просиживать по четыре-пять часов на голом бетонном полу в недостроенном доме, вместо школьной скамьи, будет слишком холодно. Придётся найти другой вариант, ходить в школу каждый день я точно не смогу. Лучше отморозить конечности, чем каждый день после занятий блевать в школьном туалете и терять сознание на каждом уроке физкультуры, где девчонки стараются одеться в как можно более облегающую одежду, а мальчишки потискать их украдкой, да попускать им в след слюни.

Мы растем. Взрослеем. И с нами что-то происходит. Гормоны или просто желание влюбляться, нравится, выделяться, я не знаю. Но очень четко вижу, как в этом году моих одноклассников, буквально кроет от бурных эмоций.

Если раньше мне как-то удавалось выглядеть нормальной, то в этом году все заметили какая я странная. И если мой болезненный вид, рвоту и потери сознания можно списать на слабое здоровье, то неконтролируемые приступы злости, внезапные слезы и беспричинную радость, которые даже не являются моими собственными, а лишь отражением находящихся рядом людей, объяснить уже не так просто.

От меня отворачиваются. Меня жалеют. Меня опасаются. Надо мной смеются. Меня считают сумасшедшей, и стараются держаться от меня подальше.

Это очень больно. Я хотела бы все объяснить им. Я могла бы. Но не стану. Ведь после того, как я однажды попыталась, от меня отвернулась, покрутив пальцем у виска, моя единственная подруга, с которой я дружила все десять классов.

Так что теперь я одна. Сажу с наушниками на ушах на бетонном полу по несколько часов в день, пока мои одноклассники учатся в выпускном классе, общаются, гуляют, влюбляются, хвастаются своим первым опытом в отношениях, радуются жизни и взрослеют.

Не всем жизнь дает одинаковые возможности. Мне подобные вещи недоступны.

Тру замерзшие руки и дую на них, пытаюсь согреть. Смотрю на наручные часы и достаю наушники из ушей. Мама должна уже уйти на работу, значит мне можно вернуться домой. При мысли о маме мое сердце болезненно сжимается. Она так старается, работает на износ, чтобы обеспечить нас, чтобы дать мне возможность поступить не в какое-то убогое училище, а в колледж, чтобы я могла получить достойную специальность. Она старается, каждый день без слов, лишь своим ежедневным трудом, напоминая мне о том, что я должна хорошо закончить школу, тогда у меня была бы возможность поступить на бюджет и ей не пришлось бы надрываться. Мне жаль, но мне не удастся. Как бы я не старалась.

И дело совсем ведь не в том, что я какая-то неспособная или ленивая. Дело в том, что я не могу сосредоточиться. Когда рядом двадцать подростков в переходном возрасте, а ты – гребанный эмпат, не способный ни на секунду отстраниться от чужих переживаний, сосредоточиться бывает просто невозможно.

Дома мне все удастся довольно неплохо. Я прекрасно запоминаю стихи, я неплохо знаю историю и биологию. Но проблема в том, что все эти знания на уроках я не могу воспроизвести. Совсем. Никак.

В общем с пятого класса за мной прочно закрепилось звание двоечницы, учителя поставили на мне крест, мама похоронила все свои надежды и стала работать в два раза больше, чтобы дать достойное будущее своей непутевой дочери, чем сама того не желая, поселила во мне тягостное чувство вины.

Вздыхаю и встаю с пола. Отряхиваю штаны и собираю в сумку учебники, бережно кладу блестящий стильный плеер и дорожные наушники, подаренные крестной на мое семнадцатилетие месяц назад. Без них моя жизнь была бы полным отстоем, а так хотя бы музыка спасает от уныния и одиночества.

Закидываю сумку на плечо и двигаюсь к лестнице, ведущей вниз. Начинаю спускаться на первый этаж, но на середине лестницы вдруг замираю. Сначала слышу какую-то возню, смех, шум, чей-то негромкий разговор, потом женский вскрик.

Чувствую, как напрягается спина и холодеют конечности. Колкий страх пускает волну мурашек по моей спине. Я должна бы убираться отсюда подальше, чтобы

там не происходило, меня это не касается, но я уже не могу. Я не контролирую свое тело. Мое тело под контроль взял чужой страх.

Однако страх правит мной считанные секунды. Всего мгновение, и он уступает место более опасному чувству. Злость, которая обрушивается на меня внезапным обжигающим грудную клетку потоком, будто набрасывает на меня петлю и тянет. Я делаю несколько медленных шагов на звук и останавливаюсь. Картина, что открывается перед моими глазами, будь я в себе, заставила бы меня испугаться, возмутиться, ужаснуться, выбежать и звать на помощь, но я стою не двигаясь.

Мои кулаки сжаты. Руки и плечи напряжены, словно собираются атаковать. Зубы сжимаются так, что сводит челюсть. Сердце стучит быстро, громко и неровно. Но помимо злости, я чувствую что-то еще. Невыносимую, тянущую боль внизу живота. Никогда я не ощущала это чувство с подобной интенсивностью.

– Расслабься, больно не будет. – Слышу, словно через плотный слой ваты, голос парня, забравшегося на дергающуюся под ним девчонку.

– Пусти меня. Пусти. Пусти. – Умоляет девушка, пытаюсь выбраться из плотного захвата. – Я не хочу. Отпусти. – Девчонка просит уже громче, но парень не слышит. Он сильно сжимает ее руки, придавливая к полу, прижимается бедрами между ее ног и рычит:

– Хватит.

Пробирается рукой под платье и начинает стягивает ее трусики.

– Не надо. – Вскрикивает девушка, пинается, лягает его ногой, за что парень награждает ее звонкой пощечиной, от которой голова девушки дергается и ударяется о пол. Девчонка скулит и плачет уже в голос, а парень что-то мерзко шепчет ей на ухо и разрывает платье на ее груди. Девушка кричит.

– Зарой пасть, сука. – Злобно рывкает парень и начинает расстегивать ширинку на джинсах.

Я продолжаю стоять и смотреть. То, что я чувствую, с трудом удается идентифицировать. Это и злость, все больше переходившая в бешенство, и ощущение власти, и нетерпение, и яркая, горячая буквально животная похоть.

Но чем больше сопротивляется и кричит девчонка, тем сильнее я ощущаю и ее чувства тоже. Страх. Страх. Страх, паника, обида, отчаянье, стыд.

Меня накрывает чужими эмоциями, будто волной. Мне кажется, что я тону в них, задыхаюсь и умираю. Мое сердце стучит так быстро, будто намеревается пробить грудную клетку и сбежать, спасаясь от происходящего. Мое тело начинает потряхивать, но я все еще твердо стою на ногах.

Умом я понимаю, что должна, что могу остановить все это, но меня так бомбит от переизбытка эмоций, что я почти ничего не соображаю. Я не управляю своим телом, им управляют чужие чувства.

Ярость, бурлящая где-то в моей голове так сильно, что кажется вот-вот просто взорвет ее, толкает меня вперед. Я жажду разрушать. Убивать. Калечить. Мучать. Я хочу выплеснуть эту ярость, агрессию и боль.

Наблюдаю как моя рука тянется за кирпичом, валяющимся на полу, поднимает его и обхватывает плотнее. Мои ноги несут меня парню, что уже почти стянул свои штаны, и девчонке, которая уже не брыкается, а только обессиленно громко рыдает.

Мое тело знает, что делать. Меня ведут чувства. Если бы мной управляли мои собственные чувства, я бы испугалась и сбежала. Я была бы шокирована, напугана и недееспособна. Страх делает людей слабыми и жалкими.

Злость же дает силу.

Адреналин, бурлящий в моей крови, наливается силой в моей руке.

Моя рука с кирпичом поднимается и в одну секунду обрушивается на голову парня. Один раз. Второй. Третий.

Стоп. Хватит. Остановись, Агата – без слов кричу сама себе, пытаюсь перекрыть ураган из разнообразных эмоций, бурлящих в моей голове, груди, животе, во всем моем теле.

Парень ничком падает на девушку.

Ураган затихает.

Парень не шевелится, и я чувствую, как огромная часть эмоций во мне отключается, будто по щелчку пальцев.

Девчонка широкими шокированными глазами, полными слез, смотрит на меня, потом переводит взгляд на парня и отпихивает его от себя. Парень падает на спину, и я вижу, как вокруг его головы медленно расползается тёмно-красная лужа.

Визг.

Девчонка кричит так, словно хочет взорвать мои барабанные перепонки. Я стою, не шевелясь, скованная тисками страха.

Во мне больше нет злости, а значит и нет сил. Я сжимаюсь и чувствую, как по спине ползет холодный пот.

– Ты убила его. Ты убила его. Ты убила его. – Повторяет девушка, отползая подальше от лужи крови, что все сильнее растекается вокруг тела парня. – Ты его убила. – Кричит девушка и быстро поднявшись, прикрывает грудь ошметками своего порванного платья. Пятится, с ужасом глядя то на меня, то на парня, и дойдя до двери, выскакивает вон.

Девушка уходит, но чувство ужаса с собой не забирает. Оно остается со мной. Потому что оно мое. Собственное.

Я смотрю на тело и лужу крови вокруг него. Трясу головой и пачусь назад. Чувствую, как подгибаются колени, и я падаю. Что-то сдавливает грудную клетку так сильно, что я не могу вдохнуть. Комната начинает кружиться, мое тело слабеет, на глаза наползает темнота, шум заполняет всю мою голову, и я

падаю на пол лицом вниз, утопая в темноте.

Глава 5.

Складываю в чемодан свой небогатый гардероб, сгребаю в пакет все стоящие на полке в ванной пузырьки и баночки, и сую туда же. Аккуратно укладываю свои лекарства и иду на кухню, чтобы взять с собой любимую чашку.

На глаза попадается стоящая на шкафу, так и не открытая с нового года, бутылка шампанского, подаренная начальством. Я не пью алкоголь, можно было бы подарить ее кому-то, но теперь, такие подарки уже не актуальны. Теперь, когда вы идете в гости, принято дарить воду. На данный момент – это самый ценный презент.

Недолго думая, тянусь за темной бутылкой и сую в чемодан. Я не знаю, что меня ждет в столице, но совершенно точно, не собираюсь разбрасываться жидкостью, годящуюся к употреблению, чем бы она не была.

На столе стоит бутылка с водой. Почти полная литровая бутылка. Ее должно было хватить до воскресенья, но в воскресенье меня здесь уже не будет, так что я решаю под конец расщедриться и завариваю себе чай.

В моем распоряжении еще как минимум двадцать минут, поэтому я пью горячий ароматный напиток не спеша. Хочу насладиться им, но мне не удастся. Мысли то и дело соскальзывают к недавнему разговору с Вадимом и пытаются выстроить дальнейшие перспективы, предугадать возможное развитие событий.

Сколько не размышляю, никак не могу прийти к чему-то светлому, или хотя бы удовлетворительному. Будущее видится мне весьма туманным и мрачным.

Не знаю, что за работу он для меня приготовил, но почти уверена, что это снова связано с моей эмпатией, а значит ничего хорошего меня не ждет.

Вздыхаю и окидываю взглядом кухню, в которой готовила себе ужины в течении последних двух лет. Я успела привыкнуть к этой квартире, к этому городу, к

своей работе и людям, окружавшим меня в последнее время. Но теперь мне придется привыкать к чему-то другому. Только боюсь, это ненадолго – не думаю, что мое сердце сможет продержаться хотя бы полгода, что бы там не планировал на счет меня Вадим.

В последний раз вздыхаю, беру чемодан и выхожу из квартиры. Запираю дверь и, по указанию хозяйки квартиры, отдаю ключ соседке. Спускаюсь на лифте и выхожу из подъезда. Из белого внедорожника тут же выходит Вадим и идет мне на встречу. Забирает из моих рук чемодан, и, загрузив его в багажник, молча садится обратно. Мне не требуется приглашение, я теперь – просто марионетка, и сама должна понимать, что должна делать. Так что я молча делаю то, что от меня ждут.

Едва сажусь на пассажирское сидение, машина сразу же трогается.

Долгое время мы едем молча. Не хочу говорить с ним, смотреть на него и ощущать его присутствие. Просто съёживаюсь на сиденье и обнимаю себя руками, уставившись в окно.

Тишина нарушается периодически звонками его мобильного. Вадим отвечает кратко и быстро, и я не пытаюсь прислушаться или что-то понять. Не испытываю любопытства, не хочу ничего знать. Но последний звонок все же что-то задевает во мне.

– Да, – как и на предыдущие звонки сухо, отвечает Вадим. Некоторое время слушает то, что говорит звонящий и отвечает. – Я не смог. Прости, сын. Я приеду в воскресенье. Обещаю. – Добавляет тише и отключает телефон.

Я поворачиваю голову так резко, что сводит шею. Сын???

– У тебя есть сын? – Спрашиваю, уставившись на него широкими глазами. Вадим кивает. Вообще-то меня это не касается, но я не могу не спросить. – И сколько ему?

– Ему семь. – С задержкой отвечает Вадим и бросает на меня косой взгляд.

Он прекрасно знает то, о чем я думаю и, конечно, догадывается, какие чувства вызовет у меня его ответ, но все равно хочет увидеть мою реакцию. Не стану показывать ему, что это меня хоть сколько-то трогает. Пытаюсь улыбнуться, но боюсь даже представить, как выглядит при этом мое лицо. Сложно улыбаться, когда внутри так дерьмово. Когда понимаешь, что ты был прав в своих самых горьких опасениях.

Я уехала восемь лет назад. Его сыну семь. Значит он заделал его почти сразу после моего отъезда. Что лишний раз подтверждает его полное ко мне равнодушие. Говоря откровенно, я не нуждаюсь в подтверждениях, этот факт и без того известен мне давным-давно, но открытие все равно больно царапает грудь изнутри.

– Поздравляю. – Почти неслышно, стараясь выглядеть как можно более безразличной, говорю я и снова отворачиваюсь к окну.

Еще пару часов поездки проходит в молчании, а после Вадим, заехав в какой-то город, останавливается около здания с красивым деревянным фасадом и летней площадкой с круглыми столиками.

– Выходи. – Бросает в мою сторону и выходит из машины, не дождавшись моего ответа.

Я не двигаюсь с места и Вадим, пройдя несколько шагов в сторону кафе, останавливается и оборачивается. Ждет несколько секунд, и снова возвращается к машине. Распахивает пассажирскую дверь и смотрит на меня, вопросительно приподняв бровь.

– Я не голодна. – Глядя на него исподлобья отвечаю я и скрещиваю руки на груди.

– Нам ехать еще четыре часа. – Замечает Вадим. Я не отвечаю, просто отворачиваюсь. – Как хочешь. – Равнодушно добавляет Вадим и захлопывает дверь.

Он спокойно уходит, не блокируя двери машины, и я горько усмехаюсь. Я могла бы попробовать сбежать, но он прекрасно знает, что я не стану этого делать. Где бы я не спряталась, он найдет меня. Отыщет и вернет. Потому что я ему

нужна.

Интересно, если я заморю себя голодом, и умру раньше времени, это сильно подпортит его планы?

Мысль заставляет задуматься. Нет, не о том, чтобы ускорить свою смерть, конечно. Скорее наоборот.

Я нужна ему. А значит... Значит он должен делать все, чтобы подольше сохранить мою жизнь. Он должен делать все, чтобы мне было комфортно.

Чувствую, как на лице появляется злорадная ухмылка. Выхожу из машины и намеренно громко хлопнув дверью, иду в кафе.

Без труда отыскиваю Вадима и, подойдя к его столику, сажусь напротив, скрестив руки на груди и глядя на него с вызовом. Впрочем, это я хочу, чтобы мой взгляд отражал вызов, непокорность и уверенность в себе, но что выходит на самом деле, не могу оценить. Надеюсь, я не выгляжу, как мелкое жалкое животное, которое хочет казаться крупнее, и оттого выглядит еще более жалко.

Вадим поднимает на меня глаза, но смотрит без эмоций, продолжая есть. Рядом со мной появляется официант.

– Меню?

– Нет, спасибо. – Тут же отвечаю я. – Просто принесите мне все самое дорогое, что у вас есть.

Вадим снова смотрит на меня и сужает глаза. Едва заметно усмехается, но ничего не говорит. Знаю, что веду себя глупо и по-детски, но мне хочется хоть немного ему досадить. Да почему бы мне не взять для себя немного пользы из сложившейся ситуации?

Не хочу быть просто безмолвной, сносящей все тяготы и лишения жертвой, если я могу получить хоть какую-никакую компенсацию за свои неудобства.

Я не оптимист. Совсем нет. Никто не учил меня находить позитивное там, где его априори быть не может. Однако же и убиваться, и хоронить себя раньше времени я совершенно точно не намерена.

Через несколько минут мне приносят стейк, овощи-гриль, салат из морепродуктов и молочный коктейль. Я немного расстроена, что в их меню не оказалось какой-нибудь мраморной говядины или королевских омаров, но и это не так уж плохо.

Мы в молчании съедаем свой ужин и снова возвращаемся в машину.

Едем быстро, как и прежде храня молчание. Смотреть в окно на мелькающие деревья, здания и города быстро надоедает. Какое-то время пытаюсь слушать музыку и читать книгу на телефоне, но, когда улице начинает темнеть, я, убаюканная плавным ходом машины, в какой-то момент проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, когда мы уже въезжаем в столицу, и тру глаза. Город мелькает разноцветными огнями, освещающими проспекты, высотки, бутики. Никогда не была в столице. Все вокруг здесь выглядит дорого, пафосно и монументально: небоскребы, старинные архитектурные сооружения, дорогие машины, сверкающие витрины магазинов, площади, которые мне приходилось видеть раньше лишь на открытках. Красивый город. Кому-то он подарит возможности, кого-то вдохновит, а кого-то раздавит. Не всем везет одинаково.

Минуя пару кварталов, мы заезжаем во двор. Проехав через автоматические ворота, Вадим паркуется и выходит из машины. Я выхожу следом за ним и оглядываюсь вокруг. Три десятиэтажных здания ограждены резным металлическим забором. Фасад из декоративного камня, и с ажурной ковкой на балконах и террасах, во дворе газоны и какие-то неведомые экзотические деревья. Определенно жилой комплекс очень высокого уровня и жильцы в нем имеют достаточно высокий статус в обществе.

Бросаю взгляд на Вадима. Помню его совсем другим. В заношенном свитере, вечно небритого, разъезжающего по нашему небольшому городку на старой отцовской десятке и живущего с мамой в двухкомнатной хрущевке.

Он сильно изменился, как того и хотел – должность, большой город, деньги, статус. Не знаю, как у него вышло, как он всего этого добился, но я и не уверена,

что хочу знать.

Вадим достает мой чемодан из багажника и ставит машину на сигнализацию.

– Идем. – Говорит мне, проходя мимо. – Сегодня переночуешь у меня, а завтра я сниму тебе квартиру.

Не скажу, что меня радует перспектива провести ночь в одном с ним помещении, но выбора у меня нет. Послушно плетусь следом.

Пройдя через просторный холл в подъезде, и поднявшись на лифте на седьмой этаж, вхожу за Вадимом в квартиру.

Автоматически загоревшийся свет открывает моему взору просторную кухню-студию с большим панорамным окном, через которое открывается завораживающий вид на ночной город. В комнате нет мебели, кроме дивана, служащего, наверное, своеобразным разделением между кухней и гостиной. Нерешительно прохожу вглубь, разглядывая все вокруг. Две спальни, большая ванная комната. Вся квартира выдержана в одном стиле с явно дизайнерским ремонтом и современной мебелью. Комнаты просторные и светлые. И ни единого яркого пятна. Это кажется мне странным. Я не так представляла себе уютное семейное гнездышко.

– Твоя семья не будет против? – Спрашиваю, снимая куртку.

– Я живу один. – Вадим разувается, снимает пиджак и небрежно бросает его на диван. Идет в спальню, но дверь за собой не закрывает.

– А твой сын?.. – Бросаю ему в спину, как будто без интереса, продолжая разглядывать интерьер.

– Он живет со своей матерью. – Откуда-то из-за угла отвечает Вадим.

«Со своей матерью». Интересно. Хмыкаю и поджимаю губы.

Не знаю, что за чувство вызывает во мне его ответ. Не помню, чтобы когда-то испытывала подобное. Хотя, постойте, это же... злорадство. Кажется, я рада

тому, что его брак не удался. Если он вообще был.

Мда. Открываюсь себе с новых сторон. Не зря говорят, что большой город портит людей. Я здесь всего каких-то пол часа, а изменения уже на лицо.

– Выбери себе квартиру. – Вадим выходит из спальни, переодетый в футболку и спортивные штаны. Передает мне планшет и отворачивается. Достает из шкафа какую-то сумку, и закинув ее на плечо, на пороге обувает кроссовки. – Фильтр не снимай, я установил районы поблизости с этим. В холодильнике есть еда и вода. Можешь занять ту спальню. – Показывает мне на комнату, расположенную рядом с той, в которой он переодевался, и открывает дверь. – Я вернусь через два часа. Выспись. Завтра с утра мы едем в управление.

Как уже повелось, не дожидаясь моего ответа, Вадим просто выходит и захлопывает дверь.

Вздыхаю и опускаю плечи. Вадим ушел, и изображать себя сильной и независимой мне больше не перед кем. Чувствую невероятную усталость. Обнимаю себе руками и подхожу к окну. Красивый вид не вызывает никаких чувств. Я морально истощена. Этот день слишком насыщен событиями и эмоциями, как для такого короткого промежутка времени.

Вспоминаю, что перед ужином не выпила лекарства и принимаюсь разбирать чемодан. Достая все необходимые таблетки и иду к холодильнику. Две верхние полки заполнены бутылками с водой. Что ж, не удивительно. Не похоже, чтобы люди, живущие в подобных местах, испытывали недостаток ресурсов. Достая одну бутылку воды и наливаю в стакан. Выпиваю лекарства и решаю, что голодна. В холостяцком холодильнике есть лишь замороженные полуфабрикаты, яйца, сыр и ветчина. Сооружаю себе бутерброд и делаю чай.

Перекусив, отправляюсь в душ. Долго стою под горячими тугими струями, надеясь, что напряжение в теле хоть немного отступит. Это не помогает, и через десять минут я сдаюсь. Закутываюсь в полотенце, и, прихватив из гостиной свой чемодан, располагаюсь в отведенной мне на эту ночь спальне.

Я так устала, что должна бы отключиться, едва прикоснувшись к подушке головой, но напряжение внутри не отпускает и я долго лежу без сна и просто смотрю в потолок.

Я стараюсь отключить мысли, не думать, погрузиться в своеобразный транс, но это напряжение в моей груди вызывают совсем не мысли. Не они виноваты. Мои эмоции, а вернее огромное их количество, ужами сплетаются у меня в груди, мешая мне дышать и не давая расслабиться.

Мне страшно. Мне больно. Мне грустно. Мне обидно.

Я злюсь. Я негодую. Я не понимаю.

Я чувствую горечь, одиночество, тоску и обреченность.

Я не хочу делать то, о чем попросит меня Вадим. Я не хочу читать чужие эмоции. Я не хочу медленно убивать свое сердце.

Я не хочу умирать.

Но до моих желаний и чувств Вадиму нет дела. Он использует меня. Снова. Он будет использовать меня до тех пор, пока я не стану ненужной, непригодной.

Или мертвой. Только потом он меня отпустит.

Глава 6.

Восемь лет назад.

Мужчина, сидящий на стуле рядом с койкой, на которой лежу я, выглядит уставшим и недовольным. Думаю, он хотел бы по-быстрому разделаться с новым делом, закрыв его как непреднамеренное убийство, но что-то не складывается. Ему не нравится мое путанное объяснение о том, почему я не позвала на помощь, а сама ринулась в бой. Ему не нравится, что девушка, подвергшаяся насилию в тот день, до происшествия долго встречалась с убитым и по собственной воле пришла в заброшенный дом. Ему не нравилось, что все опрошенные им люди, знакомые со мной – одноклассники и учителя – отзываются обо мне как о странной, безответственной девушке, с неустойчивой

психикой, а, возможно, и вполне серьезным психическим расстройством.

Больше всего ему не нравится моя последняя фраза.

– Что значит, ты хотела его убить? – Сжимая челюсть и недовольно поджимая губы, спрашивает следователь. – Ты его знала до этого? Он что-то тебе сделал?

– Нет. Не знала. – Отзываюсь я, медленно качая головой. – Но это был тот уровень злости, который толкает людей на преступления. Так что в тот момент я совершенно точно могла хотеть его убить.

Мужчина громко вздыхает и обхватывает голову руками, ерошит волосы и трет лицо.

– Я понимаю, да. Ты стала свидетелем насилия и разозлилась...

– Я разозлилась, потому что он был зол. – Перебиваю я, с трудом ворочая языком из-за успокоительных, которыми меня напичкали после прихода мамы. Ее страх, боль и горе, транслируемые во вне, чуть не вызвали у меня новый сердечный приступ, поэтому доктор строго настрого запретил маме появляться в палате, а мне вколол конскую дозу успокоительного, после которой, я чувствую себя точно полуживая медуза. – Он был в бешенстве, потому что девушка сопротивлялась. Вы представить себе не можете, как он был зол... И какую похоть испытывал... И какую радость...

Следователь смотрит на меня из-под опущенных бровей и снова вздыхает.

– Агата... Тебя посадят в тюрьму на несколько лет. Или упекут в психиатрическую клинику. Ты это понимаешь?

Я все понимаю. Как и понимаю то, что заслужила все это. И сердечный приступ, и наказание в виде тюремного заключения или принудительного лечения.

Я убийца.

Я заслуживаю наказания.

И, конечно, мне не все равно. Я не хочу умирать. Не хочу сидеть в тюрьме или психушке. Но я виновата. Я не собираюсь врать, оправдываться и что-то выдумывать. На вранье нужны силы, а у меня их нет. У меня нет ничего, кроме удушающего чувства вины, с которым не справляются даже успокоительные.

Поэтому я говорю правду. Мне почти безразлично, поверит мне этот следователь или нет, я просто рассказываю все как есть. Без уверток и без прикрас. Рассказываю о своей эмпатии и о том, что не могу сопротивляться чужим эмоциям, о том, что перестаяю контролировать себя, если рядом кто-то испытывает слишком интенсивную эмоцию. Рассказываю даже то, как я это ненавижу, и как сильно это отравляет мою жизнь. Я рассказываю все, как когда-то рассказала своей подруге, и как до пятнадцати лет рассказывала маме, пока не поняла, что мама не воспринимает мои рассказы всерьез.

Следователь, как и моя подруга, как и моя мама, конечно, не верит. Однако, не похоже, чтобы он считал меня сумасшедшей.

Не знаю, почему он себя так ведет. Он будто разочарован, и как будто готов чуть ли не уговаривать меня изменить показания. Разве он не должен радоваться тому, что убийца признает свою вину и готов сдаться?

Возможно он меня жалеет?

Пытаюсь просканировать его эмоции, но ничего не чувствую. Его эмоциональный фон ровный, будто гладь затянутого льдом озера. Озера, такого же цвета, как и его глаза. Цвет мутного льда. Красивые глаза. Только смотрят слишком пронзительно.

– Ты сама роешь себе могилу. Скажи ты, что не собиралась его убивать, а просто хотела остановить и не рассчитала силу, я бы списал это на состояние аффекта и убийство по неосторожности. Но ты говоришь, что хотела его смерти... А это совсем другой уровень преступления.

– Я просто говорю правду. – Глухо отзываюсь я и опускаю глаза.

Я устала. Я слишком устала от своей жизни. От жизни, которая даже не является моей. В ней все чужое. Чужие чувства, чужие переживания, чужие желания. В этой жизни нет меня, а там, где я есть, осталась лишь боль и одиночество.

Мне очень страшно. Я боюсь будущего. Но я приму его, каким бы оно не было.

Я больше не хочу бороться.

– Мне жаль, Агата, но как только, доктор позволит, тебя переведут в следственный изолятор. А пока я приставлю к тебе охрану. – Вставая со стула, произносит мужчина и, бросив на меня последний пристальный взгляд, выходит из палаты.

Медленно скольжу глазами за удаляющейся высокой фигурой и вздыхаю.

Закрываю тяжелые веки и позволяю успокоительным наконец унести меня в сон.

В больнице я остаюсь еще на три дня, после чего меня конвоируют в КПЗ при местном ОВД.

Я всего два часа в изоляторе временного содержания, а мне уже так страшно, что я готова отказаться от своих показаний и сказать все, что от меня хотят услышать.

Четыре стены, выкрашенные в отвратительный голубой цвет, местами облупившаяся краска, две одноярусные железные кровати с свернутыми матрасами на них, и мелкое решетчатое окно почти под потолком. Вот что я увидела, как только вошла в изолятор. И это почему-то повергло меня в ужас.

Я, конечно, не думала, что меня будет ждать гостиничный номер, я вообще старалась не думать о том, где окажусь. Я впала в своеобразную апатию, смирилась, сдалась, но увидев холодные мрачные стены камеры, на меня обрушилось осознание. Вот эти стены – просто цветочки по сравнению с тем, что меня ждет в настоящей тюрьме.

Я не выживу. Это не для меня. Я не справлюсь. Не смогу.

Меня затрясло, и я села на пол, обняв себя руками.

Господи, как же так вышло? Я убийца! Я сижу за решеткой! Как???

Чем я заслужила все это? Я ведь не хотела никому сделать больно, я никогда никому не хотела навредить, не говоря уже о том, чтобы убить. За что мне все это?

За что Бог проклял меня? За что?..

Слезы хлынули из моих глаз, я положила голову на колени и плакала, плакала, плакала, стараясь слезами смыть все то горе и обиду, что кажется навечно поселились в моей груди. Я редела все эти два часа, пока дверь камеры не открылась и меня не окликнул мужчина в полицейской форме.

– На выход. – Обращается ко мне громкий строгий бас полноватого мужчины с дубинкой в руке. Послушно встаю и выхожу, мужчина пропускает меня вперед, указывая направление, а сам идет следом за мной.

Подойдя к какой-то двери, он снова обходит меня, и открывает ее, запуская меня внутрь. За столом сидит уже знакомый мне мужчина-следователь. Не могу вспомнить его имени.

– Агата Викторовна Романова. – Мужчина берет в руки какую-то папку и читает с нее мое имя. Это мое дело – догадываюсь я и чувствую, как сжимается сердце и снова слезы подступают к глазам. Уголовное дело. И мое имя на нем. – Проходи, садись. – Говорит мужчина и указывает рукой на стул.

Медленно подхожу и сажусь напротив следователя. Не зная, чего ожидать, опускаю глаза в пол.

– Меня зовут Вадим Александрович Самойлов. Не думаю, что ты запомнила. – Произносит мужчина, заставляя меня поднять на него взгляд. – Твой врач сказал, что, когда мы прошлый раз беседовали, ты была под воздействием сильнодействующих успокоительных. Возможно ты была не совсем в себе... Попробуем еще раз?.. – Добавляет следователь и смотрит на меня, слегка приподняв бровь.

Я молчу. Не знаю, что сказать. Боюсь сказать хоть что-то, чтобы не ухудшить свое положение еще сильнее. Просто смотрю на него, надеясь, что он мне как-то поможет.

– Ты была знакома с убитым Антоном Голубевым? – Спрашивает следователь, положив руки на стол и слегка наклонившись ко мне.

– Нет. – Глухо отзываюсь я.

– Лилию Карасеву ты знала?

– Нет. – Отзываюсь я и сглатываю все сильнее нарастающий ком в горле. Те же вопросы, те же ответы. У меня, как и прежде нет других объяснений. Я в ловушке. Мне уже не выбраться.

– Тогда почему ты бросилась ее спасать? Почему не позвала на помощь, не вызвала полицию? – Все таким же ровным голосом продолжает спрашивать следователь. Его спокойствие будто открывает во мне какой-то клапан. Я рвано всхлипываю и хрипло выдаю:

– Я не пыталась ее спасти. – Судорожно выдыхаю я и чувствую, как по щекам катятся крупные слезы. Мне не спастись. У меня нет другой правды. Вздыхаю, содрогаюсь всем телом и сквозь слезы повторяю все то, что уже говорила ранее. – Я почувствовала его злость... Она была... такой сильной, что я не смогла... не смогла ей сопротивляться... Он хотел ее убить... Он хотел насиловать ее, и делать больно... Это доставляло ему удовольствие... – Хриплю я, давась рыданиями. С каждым новым словом, мой голос звучит все выше. – Я просто не смогла... Это была не я... Это просто была его злость...

– Ладно, Агата, хватит. – Прерывает поток моей бессвязной речи следователь. Встает из-за стола и налив в стакан воды, подает его мне. Беру трясущейся рукой и выпиваю залпом. Моя истерика немного утихает, я стираю слезы и закрываю лицо руками.

– Это правда. Это единственная правда, что у меня есть. Это мое проклятие. Я не виновата, что проклята. Я ни в чем не виновата. – Бормочу в отчаянии, мотая головой, но не уверена что он меня слышит – мое лицо закрыто руками.

Некоторое время я так и сижу, молча глотая слезы, опустив голову на колени и спрятав лицо в ладонях. Слышу, как следователь ходит туда-сюда по кабинету и вдруг останавливается рядом со мной. Опирается о стол и, вздохнув, произносит:

– Допустим это так... – Слышу голос над своей головой и медленно выпрямляюсь. Вытираю лицо и смотрю на возвышающегося надо мной мужчину. – Ты можешь чувствовать эмоции любых людей?

– Д-да. – Отзываюсь я и быстро моргаю, не веря в то, что он готов слушать то, что другие считают бредом.

– И что сейчас чувствую я? – Неожиданно произносит мужчина, и я сглатываю.

– Я... Я слишком... – Заикаюсь я, судорожно бегая глазами по его лицу. О, Господи. Он дает мне шанс убедить его. Мне нужно успокоиться. Я могу читать эмоции, если только, мои чувства не перекрывают чужие. То есть, я чувствую эмоции того человека, у кого они более интенсивны. И сейчас я слишком нервничаю и боюсь. – Можно мне еще воды? – Выдаю я и встаю со стула.

Дышу глубоко, стараясь выровнять дыхание и сердцебиение. Принимаю из рук мужчины стакан и так же залпом осушаю его. Тру лицо руками и закрываю глаза.

– Сейчас. Да, я могу. – Говорю я, чувствуя, как постепенно успокаиваюсь. Делаю еще один глубокий вдох и пытаюсь сосредоточиться на чувствах человека, стоящего рядом. Ничего не выходит. Мое сердце стучит неровно, я все еще чувствую страх и волнение.

Сглатываю и неуверенно произношу:

– Можно мне вашу руку? – Смотрю на него чуть ли не умоляя. Он должен мне поверить. Это мой единственный шанс на спасение.

– Зачем? – Брови мужчины взлетают вверх, он смотрит с непониманием, смешанным с недоверием.

– Я... тогда чувствую лучше. – Поясняю я, глядя на него с надеждой. Мужчина не торопится выполнять просьбу. Недовольно поджимает губы и оглядывает меня с ног до головы. Отводит глаза, размышляя, и отталкивается от стола. Обходит его и садится на свой стул. Моя надежда уже начинает таять, я начинаю нервничать сильнее, когда его рука опускается на стол ладонью кверху, так если бы он приглашал меня на танец. Сглатываю и тут же вкладываю свою ладонь в его руку.

Тепло его ладони приятно греет мою холодную кожу и немного успокаивает. Я вдыхаю полные легкие воздуха и медленно выдыхаю, сосредотачиваясь.

Долго ничего не чувствую. Мужчина спокоен и будто безразличен. Но с каждой секундой я все больше успокаиваюсь и начинаю что-то чувствовать.

– Разочарование... Скепсис... Интерес... – И симпатия. Но об этом я почему-то сказать не могу. Не знаю почему. Это не та симпатия, которую испытывают к противоположному полу. Это скорее, что-то вроде доброжелательности, но я все равно отчего-то смущаюсь произнести это слово. Моя рука медленно выскользывает из его, я ежусь и складываю ладони, зажимая между колен, будто хочу сохранить оставшееся в них тепло. – Вы очень... малоэмоциональны. – Добавляю и медленно поднимаю на него глаза.

– Профессия обязывает. – Слегка кивает мужчина и смотрит на меня изучающе-задумчивым взглядом.

Убирая руку, я не почувствовала ни доверия, ни удивления, которые последовали бы, если бы он мне поверил. Значит он мне не верит.

Опускаю плечи и прикрываю глаза. Слабая надежда на то, что мужчина мне поверит, тает и тут же испаряется.

Никто и никогда не поверит мне.

Глава 7.

Огромное серое здание Главного следственного управления наверняка отстроено таким огромным и величественным с целью наведения ужаса на потенциальных нарушителей. Одни только массивные колонны чего стоят. Расположенные по бокам у входа в здание, напоминающие зубы гигантского хищника, они заставляют меня вжимать голову в плечи.

Но ужас оно наводит только снаружи. Внутри все иначе. Внутри оно похоже на гигантский жужжащий улей. Едва я переступаю порог, как на меня обрушивается такое количество раздражителей, что хочется тут же выскочить вон, что я бы и сделала, если бы не Вадим, идущий за моей спиной, и то и дело недовольно меня поторапливающий. В холле, перед стойкой приема заявлений толпятся люди, разнося гул голосов по всему первому этажу. Мы поднимаемся выше, на второй этаж, здесь гудение сменяется бесконечным пиликаньем телефонов и разговорами, доносящихся из открытых дверей кабинетов, расположенных вдоль узкого коридора, топотом и стуком каблучков, суетливо бегающих туда-сюда сотрудников, шуршанием бумаг и щелканьем печатей.

Я иду по коридору, подгоняемая рукой Вадима, что едва заметно прикасается к моей спине, направляя, пока он не открывает какую-то дверь по правой стороне.

– Сюда. – Говорит Вадим, открыв ключом дверь и кивнув мне в приглашающем жесте. – Мой кабинет. Проходи.

Медленно вхожу и оглядываюсь. Дверь за моей спиной захлопывается, отрезая все посторонние звуки. Здесь тихо. Неожиданно скромно, но вполне симпатично. Большое окно, деревянный шкаф вдоль стены, стол и небольшой диван между ними. Вадим рукой указывает мне на этот диван, и я послушно опускаюсь на мягкую поверхность.

Вадим обходит стол и, подойдя к стене что-то нажимает на панели, рядом с окном. В эту же секунду стена превращается в яркий экран. Да, с выводами о скромности я поторопилась. Вадим что-то продолжает нажимать и на экране выскакивает изображение, с нарисованными, будто маркером, схемами, фотографиям, стрелками и знаками вопроса. В самом центре вверху крупными размашистыми буквами написано «Калидус».

Я скольжу глазами по изображению и непонимающе хмурюсь, поднимаю глаза на Вадима вопросительно приподнимаю бровь.

– Калидус? Ты расследуешь... бактерию? – Насмешливо фыркаю я, за что получаю полный презрения взгляд, заставляющий меня поежиться и стереть с лица усмешку. – Не понимаю. Это же просто бактерия. Она просто... есть. Как и многие другие...

– Она возникла не сама по себе. – Раздраженный моей недогадливостью, перебивает Вадим. – Она создана чьими-то умелыми руками. Это – биологическое оружие.

Я шокировано распахиваю глаза, затем хмурюсь, в неверии мотаю головой.

– Но зачем??? – Громко выдаю на выдохе. Не понимаю, кому это может быть нужно. Почти вся страна в зоне поражения. Если так пойдет и дальше, скоро будет заражена вся планета. Весь мировой океан. Не останется ни единого клочка земли, где вода будет годна к употреблению. Человек, создавший эту бактерию, хотел погубить весь мир? Зачем? Что за бред?

– Я пытаюсь это выяснить. – Отзывается Вадим, берет со стола карандаш и указывает на фотографию мужчины, расположенную в центре изображения. – Это мой главный подозреваемый, но я не могу из него вытащить ни слова.

Я встаю с дивана и подхожу ближе. Мужчина лет сорока, в белом халате и очках в круглой оправе, смотрит на меня с фотографии, слегка склонив голову на бок и в едва заметно улыбаясь, как улыбаются именно для фотографии, немного напряженно и не искренне. Мужчина выглядит вполне миролюбивым, добродушным и безобидным – морщинки вокруг глаз говорят о том, что он много улыбается, слегка вздернутый нос указывает на такие характеристики, как беспечность, простота души, легкость нрава, да и размытый подбородок со слабыми чертами говорит скорее о мягкости характера. Ни за что бы не поверила, что такой человек может угрожать жизни всего человечества.

– Расскажи мне. – Продолжая задумчиво разглядывать мужчину, говорю я Вадиму, совсем забыв о том, что не собиралась проявлять инициатив и должным образом участвовать в процессе. Вообще-то вчера я приняла решение прожить как можно дольше, а значит, помогать Вадиму в пол силы, и по возможности показать ему на сколько я могу быть бесполезной. Я поставила себе цель – жить. Но вчера я никак не думала, что дело будет касаться вопроса существования самой жизни на земле. – Кто он?

Вадим нажимает кнопку на пульте и на экране выскакивает статья из крупного научного журнала.

– Даниил Григорьевич Матвеев. Ученый бактериолог и эпидемиолог. Доктор медицинских наук. – Перечисляет Вадим, становясь рядом с мной, и опираясь задом о стол.

Я скольжу глазами по тексту статьи, минуя бесконечный список регалий, наград, премий и заслуг, надеясь в тексте найти что-то вроде упоминания о том, что этот замечательный ученый просчитался, ошибся и случайно создал вместо вакцины смертельно опасную бактерию, но ничего не нахожу. Снова перевожу непонимающий взгляд на Вадима.

– Когда хлынул поток больных с одинаковыми жалобами, и медики поняли, что это новая эпидемия, ученые принялись искать источник. Спустя некоторое время они поняли, что источником заражения является вода. Но, что конкретно в этой воде было не так, они найти не могли. – Вадим снова нажал на кнопку и на экране возникло изображение похожее на цепочку ДНК. – Ученые так долго не могли понять в чем беда с водой, потому что молекула новой бактерии была практически идентична молекуле цианокобаламина, известного как витамин б12. Бактерию потому так и называли «Калидус». В переводе с латинского означает «хитрый».

Вадим невесело усмехается, замолкает, складывает руки на груди и переводит взгляд в окно. Молчит некоторое время, заставляя меня нетерпеливо топтаться на месте.

– И при чем здесь Матвеев? – Не выдерживаю я.

– Матвеев исчез через неделю после объявления эпидемии. Но перед отъездом на своем столе он оставил вот этот код. – Вадим указал рукой на изображение ДНК. – Он оставил его на видном месте, будто нарочно, чтобы его нашли. Так и вышло, через пару дней его помощник – молодой ученый, нашел его, но не сразу смог разобраться что к чему. Только спустя некоторое время он додумался показать находку более старшим и опытным специалистам. После этого дело сдвинулось с мертвой точки.

– Так. Ясно. Но что же случилось с Матвеевым?

– Ничего. Через пару недель он снова появился на работе, как ни в чем не бывало.

Я удивленно хмыкаю и откидываю голову назад, размышляя. Да это действительно странно. Известный ученый, полный амбиций, позволяет сделать важнейшее открытие своему неизвестному помощнику и тем самым отдает тому все лавры и почести, а сам остается в тени. Выглядит подозрительно.

– Как все это объясняет сам Матвеев? – Поворачиваю голову и смотрю на рядом стоящего Вадима. Он смотрит на меня одновременно заинтересованно и снисходительно, но услышав мой вопрос, поджимает губы, хмурится, и оттолкнувшись от стола, идет к окну.

– Никак. Я не могу вытянуть из него ни слова. – Вадим стоит ко мне спиной, и говорит, глядя в окно, так что мне недостаточно хорошо его слышно, поэтому я подхожу и становлюсь рядом, сбоку от него. – Он молчит. За все время, проведенное здесь, он ответил на один единственный вопрос: он ли создал Калидус. Он ответил «нет». И детектор лжи показал, что он говорит правду. На остальные вопросы он просто не отвечает.

Вадим поворачивается ко мне корпусом и многозначительно смотрит в мое лицо, ожидая моей реакции. Отступаю на шаг назад – его близость меня нервирует – и пожимаю плечами, скептически приподняв бровь.

– На сколько результат проверки на полиграфе достоверен?

– Достаточно достоверен. – Тут же отзывается Вадим.

– Значит... это – не он?

– Я не знаю. – Вадим раздосадовано хмурится и добавляет. – Но я уверен, что он в этом замешан. Слишком много неизвестных переменных в этом деле. Мне неизвестны ни мотивы, ни цель. У меня нет ничего кроме моих собственных домыслов. Поэтому... Мне нужна твоя помощь.

Ох. Сердце делает кульбит. Я отступаю еще на шаг. Лучше бы ему перестать повторять эту фразу, иначе на ту помощь, которой он от меня требует, я не буду

способна. Слишком много моих личных чувств задевается этим коротким предложением.

– Но я ведь не предоставляю тебе никаких доказательств. – Неуютно съёжившись, замечаю я.

– Я знаю. Но даже если ты поможешь мне убедиться в правильности моих умозаключений, это будет шаг вперед. Я буду уверен, что иду в нужном направлении. Ситуация более чем критическая. У меня нет времени на ошибки, люди умирают каждый день. – Глядя на меня прямым взглядом, говорит Вадим и поморщившись добавляет. – Да, и... Не знаю сколько я смогу еще удерживать в секрете информацию о Матвееве от службы безопасности ООН... Если они доберутся до него...

Вадим цокает языком, так и не договорив, и отворачивается. Выразительно так отворачивается. Знаю, что он делает. Пытается воззвать к моей жалости. Он хочет, чтобы я захотела ему помогать. Ведь тогда я буду по-настоящему стараться, а не выполнять работу лишь ради галочки. Он все понимает. Использовать былые методы, играя на моих чувствах у него больше не выйдет, под влиянием его угроз, я не буду работать действительно хорошо, а вот жалость... Жалость – это инструмент. Я вздыхаю и тихо произношу:

– Ладно. Давай попробуем. Выбора ведь у меня все равно нет.

Глава 8.

– Идем. – Бросает Вадим, не глядя на меня, и выходит из кабинета.

Следую за ним по коридору и вдруг в тупике, где коридор раздваивается на две ветки, останавливаюсь. Прямо передо мной стоит большой кулер с почти полной двадцатилитровой бутылкой воды. Пока я стою и удивленно хмурюсь, к кулеру подходит молодой человек, с мобильным телефоном у уха и нажимает на краник с холодной водой. Он что-то раздраженно говорит в трубку и отворачивает голову, но палец с крана не убирает, и вода продолжает течь в небольшой пластиковый стаканчик. Я смотрю как вода, наполнив стакан, начинает

выливаться через край и ошеломленно распахиваю глаза. Наконец мужчина поворачивает голову к кулеру и убирает свой палец. Как ни в чем не бывало берет переполненный стакан и подносит ко рту, расплескивая драгоценные капли по пути, и отходит.

– Агата. – Слышу из-за угла голос Вадима и дергаюсь. Временный шок отступает, и я чувствую, как от злости сжимается моя челюсть.

Ситуация критическая, значит? А я ведь, кажется, даже прониклась, и как будто бы совершенно добровольно захотела помочь в расследовании. Ну и дура. Чувствую, как мои ноги уже готовы развернуться и нести меня прочь из этого здания, но из-за угла появляется Вадим, смотрит на меня вопросительно, не понимая, что меня задержало, и моя челюсть сжимается сильнее, так что слышится скрип зубов.

Перемена в моем настроении не укрывается от Вадима. Он подходит ближе. Я задираю голову и складываю руки на груди.

– В чем дело? – Недовольно хмурится Вадим.

– Не похоже, чтобы вы сильно страдали... – Отзываюсь, кивая головой на злосчастный кулер.

Вадим оборачивается, бросает взгляд на кулер и хмыкает.

– Нас обеспечивает государство...

– Ну конечно... – Язвительно бросаю я, прерывая его пояснения. – Элита... Вам все ни по чем. Война, эпидемия, голод. Что бы не происходило снаружи...

– Агата. – Теперь уже Вадим прерывает поток моих возмущений. – Прекрати нести чепуху. Мы – не элита. Мы – простые солдаты. И ты теперь с нами... Так что возьми себя в руки. Соберись. И давай займемся делом. Хочешь пить – попей. Хочешь возмущаться – оставь это на потом.

Сдвигаю брови, глядя на Вадима исподлобья.

Я не хочу пить и не хочу возмущаться. Все, чего я хочу – это свобода. Я хочу сбежать. Но сбежавших солдат называют дезертирами и отправляют под трибунал.

Я не могу сбежать.

Я теперь с ними...

Мотаю головой, будто стряхивая с себя злость, и следую за Вадимом.

Захожу в комнату для допросов, и слышу, как за спиной захлопывается дверь. Помещение выглядит мрачно: темно серые стены, большое зеркало на одной из них, и посередине комнаты прямоугольный металлический стол и четыре стула по двум сторонам от него.

Вадим подталкивает меня в спину, и подведя к столу, нажимает на мои плечи, усаживая на один из стульев. Сам же идет к двери, которую я не сразу заметила- это не та дверь, в которую мы вошли, и открыв ее, что-то кому-то негромко говорит. Возвращается к столу и садится рядом со мной. Через минуту дверь снова открывается и в комнату вводят мужчину. Того самого, что неискренне улыбался мне на фотографии. Я узнаю черты его лица, но не могу не отметить произошедшие с ним изменения: осунувшееся иссохшееся лицо, почти черные мешки под глазами, брови, сдвинутые на переносицу, поникшие плечи. С заведенными назад руками, скованными наручниками, он медленной шаркающей походкой, ссутулившись, будто на его плечах тяжелый груз, подходит к столу и опускается на стул.

Мужчина выглядит истощенным, сдавшимся, безразличным. Но первое, что я чувствую, когда он появляется в комнате – это тревога. Его тревога. С его первым шагом в комнату, я чувствую, будто воздух вокруг меня сгущается, мне становится тяжелее дышать, будто кто-то укрыл меня с головой плотным одеялом.

Вадим здоровается и начинает негромко говорить. Просит помочь следствию, пытается убедить ученого в том, как это необходимо и как важны его показания. Матвеев сидит с опущенной головой, глядя куда-то вниз, и с виду остается безучастным. Но я замечаю, как он почти незаметно вздрагивает при каждом новом слове Вадима. Он вздрагивает, словно от ударов током, но головы не

поднимает. Все его тело начинает мелко дрожать, на лбу выступает пот.

Вадим продолжает говорить, и с каждым новым словом, мою грудь все сильнее сдавливает невидимый обруч. Все мое тело напрягается. Я вжимаюсь спиной в жесткую спинку стула, и чувствую, как начинают трястись руки. Голова начинает кружиться, сердцебиение ускоряется, причиняя боль за грудиной.

Вадим говорит о бактерии, о том, что люди умирают, умирают дети, его голос звучит все тверже, жестче, глубже проникает в сознание и я вижу, как мужчина напротив начинает трясти головой. Он трясёт головой в разные стороны и что-то бормочет себе под нос.

Прислушиваюсь. «Нет. Нет. Нет. Никто не умирает. Никто не умирает» – Долетает до моих ушей сиплый голос, полный паники.

Вадим поднимается со стула и, опершись кулаками о стол, наклоняется ближе к Матвееву. Он что-то говорит, я слышу в его голосе сталь, но слов разобрать уже не могу. В моей голове нарастает звон. словно зеркала сидящего напротив мужчину, я начинаю трясти головой. Я хочу, чтобы Вадим прекратил. Мне больно. Мне плохо. Мне очень-очень страшно. Я хочу, чтобы все это закончилось. Мне, кажется, что я вот-вот потеряю сознание, и это еще сильнее пугает меня.

Не свожу глаз с Матвеева, вцепляюсь в него взглядом мертвой хваткой, я должна помнить, что это не мои чувства, я помнила об этом, я это знала буквально три минуты назад. Но ощущения в моем теле такие яркие, что кажется, будто они мои. Матвеев продолжает несвязно бормотать, мотая головой, и под напором слов Вадима начинает трястись уже всем телом.

Я открываю рот, хватаю воздух пересохшими губами, я хочу остановить все это, я хочу закричать «хватит», но с моих губ слетает лишь противное карканье.

Я больше не могу. Я не выдерживаю. Усилием воли сбрасываю оцепенение, сковавшее все мое тело, резко вскакиваю со стула, так что тот опрокидывается и падает, и выскакиваю из комнаты.

Захлопываю дверь и чувствую, как паника отступает, но легче мне не становится, меня трясет крупной дрожью. Освободившись от оков чужих чувств, мое сознание немного проясняется, и я понимаю, что ушла с допроса без спроса,

без разрешения Вадима, однако прямо сейчас мне на это глубоко наплевать. Мне казалось, что я умру, если еще хоть на минуту задержусь в той комнате.

Голова продолжает кружиться, и я, чтобы удержаться на ногах, опираюсь рукой о стену. Медленно двигаюсь вдоль коридора, прямо к увиденному ранее кулеру. Аккуратно наливаю воды и подношу стакан к губам. Мои рука просто ходуном ходит, и я обхватываю стакан двумя руками, чтобы не пролить ни единой капли. Выпиваю воду и бросаю пластиковый стакан в урну. Опираюсь спиной о стену и закрываю лицо руками. Тру воспаленные глаза и стараюсь глубоко дышать.

Через минуту слышу быстрые шаги в мою сторону и голос Вадима.

– Ты в порядке? – спрашивает он с некоторой долей беспокойства, от чего мне хочется рассмеяться ему в лицо.

– Нет. – Отвечаю глухо и убираю руки от лица, глядя на него как можно более злобным взглядом.

Он пару секунд изучает мое лицо, затем хватается меня за предплечье и ведет в сторону своего кабинета. Резко вырываю руку из его захвата, но продолжаю идти.

Едва за нами закрывается дверь, как я набрасываюсь на него:

– Вы что... его избивали??? Пытали??? – Шиплю громким шепотом прямо в его лицо.

– Что? – Хмурится Вадим, и обойдя меня, садится за свой стол. – Никто его и пальцем не тронул.

– Тогда почему он тебя так боится?

– Откуда мне знать. Это ты мне скажи. – Спокойно отзывается на мой злобный выпад Вадим и жестом приглашает меня присесть. – Расскажи мне о своих наблюдениях.

– Наблюдениях?.. Ничего, кроме страха я не наблюдала. Он боится, до жути. До одури. Это была настоящая паническая атака. – С раздражением отвечаю я, стоя напротив Вадима.

Вадим вздыхает и медленно кивает головой.

– Ничего нового. Это я знаю и без тебя. Психиатр уже беседовал с ним и поставил диагноз паническое расстройство.

Я фыркаю.

– Тогда, что ты хочешь от меня? Я не умею читать мысли. – Развожу руками, глядя на Вадима в упор.

– Да, я знаю. – Тихо отзывается он и замолкает. Трет пальцами переносицу, сжимает веки, так будто его глаза устали и болят. – Я должен найти способ разговорить его.

Вадим откидывается на спинку кресла и возводит глаза к потолку. Я сажусь на диван, глядя перед собой. В моей голове крутится много-много мыслей. И половина из них – это почему-то идеи того, как можно было бы попробовать поговорить с Матвеевым.

Как можно было бы помочь Вадиму.

Черт.

Что есть силы стараюсь отбиваться от этих беспорядочно атакующих мыслей, но они все равно просачиваются в сознание, заставляя меня злиться на саму себя.

Я не пытаюсь помочь Вадиму, я хочу помочь человечеству – как мантру повторяю про себя. Да, это так. Вадим здесь не при чем, у меня нет причин хотеть ему помогать. Я просто хочу жить. И я хочу, чтоб вместе со мной жили другие люди.

В тишине проходит несколько минут. Затем Вадим встает и берет со стола ключи от машины.

– Поехали, я отвезу тебя домой.

– Домой??? – Меня будто подбрасывает на диване. Я, выпучив глаза, смотрю на мужчину, возвышающегося надо мной. Что-то такое внутри смутно шевелится, разнося по телу приятные вибрации. Но тут же затихает, услышав ответ.

– Да. Домой. Я снял тебе квартиру.

Глава 9.

Восемь лет назад.

Пока я молча борюсь со слезами, хороня все свои наивные надежды, следователь молчит. Молчит долго, кажется целую вечность, задумчиво разглядывая меня, когда вдруг дверь в кабинет резко открывается. Слегка поворачиваю голову и вижу вошедшего мужчину. Он входит и как-то торопливо подходит к столу, стоящему справа от стола Вадима Александровича. Снимает нагрудную кобуру с пистолетом в ней и, открыв сейф, засовывает ее туда. Мужчина выглядит возбужденным, взъерошенным и запыхавшимся, будто бежал кросс. Его движения резкие и нервные. Он недовольно косится на меня, потом на моего следователя.

– Развлекаешься, Вадим? – Презрительно скривившись, но стараясь при этом выглядеть спокойным, выплевывает мужчина. Только сейчас замечаю, что с его приходом в комнате будто становится тяжелее дышать. Какое-то очень неприятное чувство подкрадывается ко мне и медленно просачивается во внутрь. Не совсем понимаю, что это, и чье оно. То ли злость, то ли досада, то ли недовольство, то ли грусть.

– Вообще-то у меня допрос. – Отвечает Вадим Александрович, недобро прищурившись, глядя на мужчину.

– Ну да, да. – Изображая фальшивое согласие, протягивает мужчина и бросает на меня уничижительный взгляд. – Допрашиваешь... девчонку.

– Какие-то проблемы, Семен? – Подавшись корпусом вперед и слегка отклонив голову назад, спрашивает следователь.

– Да нет, ну что ты... – Язвительно протягивает мужчина и поднимает руки, будто сдаваясь. – Не буду тебя отвлекать от важного вопроса. – Добавляет пренебрежительно, и выходит, громко хлопнув дверью.

Вижу, как челюсти Вадима Александровича зло сжимаются. Он хмурится и раздражённо поджимает губы.

– Что за придурок... – Бурчит себе под нос едва слышно.

– Он вам завидует. – Неожиданно отзываюсь я, наконец сообразив, что за чувство скрылось за дверью вместе с тем мужчиной. Он ушел и забрал с собой все свои разрушительные эмоции, но оставил мне неприятное послевкусие и все сильнее нарастающую головную боль.

Следователь громко фыркает и опускается на стул, глядя на меня не то насмешливо, не то снисходительно.

– У него нет причин мне за... – Начинает мужчина и тут же осекается. Что-то происходит в его голове. Что-то щелкает. Начитается какой-то очень усердный мыслительный процесс. Его лицо разглаживается. Взгляд меняется. Он выглядит так, будто, внезапно понял что-то очень важное, и в этот момент мне становится очень-очень жаль, что я не умею читать еще и мысли. Надежда снова пробуждается в моей груди, заставляя расправить плечи и сесть ровнее. Я сглатываю и смотрю на следователя, ожидая его дальнейшей реакции.

Мужчина молчит очень долго. Размышляет. Смотрит то на меня, то в сторону. Хмурится. Качает головой. Откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди, и вперивается пронзительным взглядом в мое лицо. Сужает глаза и кривит губы.

Я начинаю волноваться все сильнее и ерзаю на стуле.

– Что люди чувствуют, когда врут? – Неожиданно спрашивает Вадим Александрович, вгоняя меня в ступор.

– Э... ну... – От непредвиденного вопроса я теряюсь. Прочищаю горло, заправляю прядь волос за ухо и снова складываю ладони между колен, чтобы унять нервозность. – По-разному. Это зависит, о чем человек врет. И насколько это для него важно... Это... сложно.

Следователь хмыкает и кивает. Встает со стула и идет к двери. Открыв ее громко кричит в коридор.

– Приведи, Ермолаева.

Возвращается к столу, но не садится. Стоит сбоку от меня, и глядя сверху вниз говорит:

– Неделю назад была убила шестнадцатилетняя дочь бизнесмена Ласнецова. Все улики указывают на ее парня. Но я не... – Следователь не успевает договорить, в комнату вводят ссутулившегося высокого парня лет двадцати на вид. Я бросаю непонимающий взгляд на следователя, но тот больше не смотрит на меня. Он берет стул, ставит сбоку от стола, справа от меня и просит парня присесть. Я напрягаюсь. Не понимаю, что происходит. При чем здесь я, и что от меня требуется.

– Егор. – Начинает следователь, обращаясь к сидящему с опущенной головой парню. – Сорок восемь часов истекают, вечером я должен буду передать тебя в СИЗО. Возможно тебе есть что сказать.

Парень горько усмехается. Мне видно лишь его профиль, но этого достаточно, чтобы увидеть то, что он измучен, истощен и сломлен.

– Я все вам рассказал. – Глухо отзывается парень, так и не поднимая головы.

Чувствую, как моя голова тоже опускается, плечи сникают, на грудь будто наваливается тяжелая плита и придавливает меня. Мне кажется, что все вокруг теряет жизнь, все погибает, все исчезает. Остается лишь пустота и мучительная, невыносимо давящая безнадега.

– Зачем ты убил ее? – Неожиданно резким и грубым голосом спрашивает следователь, заставив парня резко вскинуть голову и уставиться на него.

– Я. ЕЕ. НЕ УБИВАЛ. – Четко разделяя слова, таким тоном, будто повторял это уже много-много раз, отзывается парень.

Чувствую, как мои глаза наполняются слезами. Боль и обида душат меня, накатывая волнами. Все сильнее и сильнее. Все больнее и больнее. Мне кажется, что стены надвигаются на меня и вот-вот раздавят. Еще секунда и от меня ничего не останется.

Я всхлипываю и судорожно хватаю ртом воздух. Съеживаюсь на стуле, изо всей силы цепляясь пальцами в сиденье. Моя голова кружится, кружится комната, и все вокруг. Я слышу чьи-то голоса, движения, но уже ничего не понимаю. Пытаюсь поймать губами воздух, и задыхаюсь. Кажется, я падаю.

Я совершенно точно вижу, что пол приближается к моему лицу, но вдруг останавливается. Чьи-то руки хватают меня за предплечья и усаживают обратно.

– Агата. – Трясут меня эти руки, приводя в чувство. Я фокусирую взгляд на лице напротив и моргаю. Парня в комнате больше нет, как нет и его невыносимой боли.

Вадим Александрович дает мне стакан с водой и, когда я беру его и подношу к губам, придерживает мою руку своей. Через прикосновение его пальцев чувствую его беспокойство, смешанное с раздражением.

– Меня тошнит. – Выдыхаю я и зажимаю рот рукой.

Вадим Александрович хватает меня под руку и быстро ведет по коридору, буквально вталкивает в туалет и закрывает снаружи дверь. Я сгибаюсь над унитазом. Меня рвет до тех пор, пока желудок полностью не опустошается и не перестает сжиматься в бесполезных спазмах.

Брызгаю в лицо водой и пью из-под крана. Долго стою, опершись о раковину, стараясь успокоить колотящееся сердце. Давящая боль в груди напоминает мне о том, что мое сердце теперь работает не на сто процентов и подобные испытания для него больше непозволительны.

– Агата. – Слышу за дверью нетерпеливый голос и стук в дверь. Вздыхаю и, оттолкнувшись руками от раковины, иду к двери. Распахиваю ее и вижу хмурый взгляд следователя.

– Ты в порядке? – Глядя на меня из-под опущенных бровей, спрашивает мужчина и, дождавшись утвердительного кивка, снова берет меня под руку и ведет обратно в свой кабинет.

– Ну... что скажешь? – Спрашивает мужчина, усаживая меня на стул.

Смотрю на него непонимающе, хмурюсь и снова напрягаюсь всем телом.

– Думаешь это он убил? – Уточняет свой вопрос следователь и смотрит на меня с интересом и нетерпением. Мои глаза расширяются, рот распахивается в удивлении.

– Я... Вы... – Спотыкаюсь я на полуслове. Как я могу сказать, убийца ли он? Я! Человек, который недавно и сам убил. Что происходит? Что происходит??? – хочется мне заорать, но я лишь захлопываю рот и тру ладони между собой. Надо успокоится. Успокойся, Агата. Он не просит тебя выносить приговор, он просит лишь высказать свое мнение, рассказать, что чувствовал тот парень. Это может помочь тебе. Перевожу дыхание, набираю в грудь побольше воздуха и выдаю на одном дыхании. – Не похоже. Он не испытывал ни чувства вины, ни злости, ничего такого. Только обиду, горечь и боль. Так чувствуют себя люди, с которыми обходятся несправедливо. Не убийцы...

– Откуда тебе знать, что чувствуют убийцы? – Спрашивает Вадим Александрович, нахмурившись. Но уже через секунду его лицо озаряет догадка, и он понимающе кивает. Опускаю голову и болезненно морщусь. – По себе судишь... – Тихо добавляет мужчина и опускается передо мной на корточки. – Брось, Агата. Ты не убийца. Ты не виновата. Ты и сама это знаешь...

Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с мужчиной напротив. Медленно моргаю.

Его слова, как глоток воды в измученном жаждой горле. Его слова, как сладкий сироп. Как обезболивающее. Его слова окутывают меня словно теплое одеяло. Я смотрю в глаза мужчины чувствую, как мои наполняются слезами

благодарности. Кто этот человек? Почему он поверил мне, почему ему не все равно? Мужчина легонько сжимает мою руку, будто в знак поддержки, и встает. Обходит стол, садится, берет папку, открывает ее и что-то пишет. Я сижу не шелохнувшись, жду и просто разглядываю мужчину напротив. Смотрю на руку, сжимающую ручку между пальцев, выводящую на бумаге ровные строчки. На запястье с часами. Широкий разворот плеч. Шею с ярко очерченной яремной веной. Широкий подбородок, покрытый щетиной. Густые брови, низко надвинутые на глаза. На вид ему не больше тридцати лет, но на голове кое-где проглядываются седые волосы. У него тяжелая работа – решаю я, внезапно чувствуя сочувствие к этому невероятному мужчине. Да, он кажется мне невероятным. Он поверил мне.

Чувствую тепло в груди. Не знаю, чем оно вызвано, благодарностью или надеждой. Но оно совершенно точно связано с мужчиной, сидящим напротив. Оно приятное. Это первое приятное чувство за долгое-долгое время. Я хочу сохранить его и зажмуриваюсь.

– Я передам дело в суд с заключением «Убийство по неосторожности». – Говорит мужчина, прерывая мои мысли.

– И... что меня ждет? – Хрипло отзываюсь я, распахнув глаза. Чувствую, как тепло в груди покидает меня, а на его место приходит уже привычное волнение и страх.

– Максимум – два года исправительных работ. – Отвечает мужчина, и я выдыхаю. Словно сдуваюсь и чуть ли не растекаюсь лужицей на стуле. Я не отправлюсь в тюрьму.

– Спасибо. – Едва слышно выдыхаю я, не в силах выразить всей своей благодарности.

Мужчина улыбается одним уголком рта и произносит:

– Тебе назначат исправительные работы у нас в архиве. Будешь числиться там, но по факту... помогать мне.

Что? Дергаюсь как от удара и смотрю на следователя, выпучив глаза. Помогать ему?

– Чем я могу... помочь вам? – Чуть ли не взвизгиваю я, на что мужчина снова лишь слегка улыбается и, выдержав паузу, произносит, глядя на меня с нескрываемым удовлетворением:

– Твои способности – настоящий дар, Агата.

Все внутри меня падает. Тепло в моей груди окончательно испаряется, уступая место ледящему душу страху.

– Я?... Я... Я не могу. – Заикаюсь я, трясущей головой, во все глаза глядя на мужчину напротив.

Он видит мое шокированное состояние, и его выражение лица тут же меняется. Доброжелательность, еще секунду назад плескавшаяся на дне него серых радужек, уступает место ледяному блеску в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kochetova_natal-ya/na-chashe-vesov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)